

Анастасия Бурнус

Вера Хитарьян

ТЕАТР ДОКТОРА СМЕРТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хитарьян Вера
Театр доктора Смерть

«Автор»

2026

Вера Х.

Театр доктора Смерть / Х. Вера — «Автор», 2026

В издательстве мистического журнала «Ghost» готовят сенсационный материал: таинственное заведение «Театр доктора Смерть» стремительно набирает популярность, но за мрачным шоу скрывается нечто большее. Журналист Питер Хэмиш выяснил, что посетители бара бесследно исчезают, а в полицейских отчётах лишь: «Последнее местонахождение жертв — Театр доктора Смерть». Расследование может стоить жизни, но остановить азарт уже невозможно. Чем на самом деле платят люди за утешение своих больных душ?

© Вера Х., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Бурнус, Хитарьян Вера

Театр доктора Смерть

Пролог

Известно, страх — самая худшая вещь, которая толкает людей на необдуманные поступки, но сейчас Мари боролась не за свою жизнь. Скрывшись за подолом старого, потрепанного серого платья, два маленьких, не видевших еще жизни ребенка бесшумно плакали, пытаясь спрятаться от человека, которого они любили и называли отцом, а несущего им смерть мужчину — дядей.

Под всхлипы жены и безумный плач Тейд Шепард, некогда гробовщик местного кладбища, молча стоял и наблюдал, как рушится семья, как страх охватывает их, а от истошных криков учащается пульс, и каждая клеточка чувствует приближение конца. Его ярко-зеленые глаза были пусты и не выражали никакого сочувствия к любимым людям. Металась лишь душа, и, кажется, голос родных был слышен повсюду. Тейд понимал: он предатель, но другая сторона, темная и гнилая, все твердила: «Они не умрут, подумаешь, сдохнут ради твоего блага, Шепард. Лопата, перевешенная через плечо, всегда была готова копать, а руки — принимать монеты, помни об этом». Внутренний голос становился все громче и вытеснил здравые мысли, поэтому гробовщик остался непоколебим даже при виде мучений своей семьи.

Луна все выходила из-под облаков, освещая могилы, придавая кладбищу более злое образ, как будто вот-вот мертвые встанут и совершат некое безумное шествие, а мужчина рядом с Тейдом приободрялся с каждым новым просветом.

— Ты монстр, Фламель! — закричала Мари, все крепче обнимая детей. Кажется, в этом крике вырвалась вся давняя боль и обида на мужа. Зачем он пошел в услужение к этому бездушному существу? Зачем он обрек их на верную смерть?

— В твоём положении, милая, я бы прикрыл рот. Ты станешь одной из немногих, кто сможет прикоснуться к вечной жизни, — медленно наклоняясь к женщине, на ухо мерзко прошептал Борис.

Луна становилась в нужную фазу, поэтому мучитель не обращал внимания на словесные перепалки с марионеткой. Мужчина повернул голову к приспешнику и грубо отчеканил:

— Свяжи их! Иначе прольем крови больше, чем нужно.

Словно машина, Тейд подошел к своей некогда любимой жене, понимая, какую ошибку совершает, предлагая свою семью в качестве «эксперимента».

— Прости, — прошептав одними губами, мужчина ударил свою жену по голове черенком лопаты, лишая ту сознания.

Обмякшее тело упало прямо в его руки, а тонкая темно-алая дорожка медленно вытекала из раны прямо к ногам гробовщика, огибая тяжелый ботинок.

Тейд тихо взвыл про себя. Они не были достойны такой кары. Не для этого клялся любить Мари и быть с ней в горе и радости, но плата за их жизни была велика; да и они могли не умереть, а продолжить вечное существование. Стоя и трясаясь от страха, Сара и Поль кричали вслед отцу, но ему было все равно, лишь бы все закончилось поскорее.

— Быстрее! Или ты хочешь присоединиться к своей семейке? — командует оно.

Тейд не считал своего хозяина человеком, потому что так бездушно мог поступать зверь, не испытывающий жалости, боли и сочувствия. Но гробовщик ощущал себя рабом, который не мог выбраться из-под власти своего хозяина. Они связаны не только общим делом, но и кровью.

— Слушаюсь, — словно пустая оболочка, он силками ведет детей к тису, приближая неминуемую смерть.

— И будь добр, дотащи свою благоверную! Ты мог ее убить, придурок, она нужна мне в сознании. Приведи ее в божеский вид! — в словах Бориса прослеживалось безумство; видно, приближается роковой час, когда сокровенные мечты Фламелья обретут плоть, а в голове у слуги лишь одно: «Я хочу вернуть семью, и если это не сработает, то уверяю, хозяин, в нужный час ты заплатишься кровью за них».

Вот уже яркая луна выглядывает из-за облаков, падая светом на обреченные души, словно провожая их в последний путь. Тис, к которому была привязана семья, распростерто принял новых жертв в свои объятия, как бы говоря о последнем пристанище на этой земле. Именно здесь суждено отсчитать секунды до неизбежного конца и избавиться от той боли, которую в сердцах их поселил Тейд. Вокруг широкого дерева взрослый мужчина, скача, словно малый ребенок, вырисовывал замысловатые узоры на кладбищенской земле, что-то бормоча себе под нос, в то время как его слуга молился за спасение душ семьи.

Вот и все готово. Мужчина приблизился к своим жертвам и схватил за горло свою марионетку. Сара уже была готова отдать душу Всевышнему, и страх уступил некоему облегчению. Острие ножа в руках Бориса медленно касалось шеи, следуя до груди женщины; будто издеваясь, он был готов завершить ритуал.

— О, вы дрожите от страха? Смерть — это всего лишь начало, а бессмертие — высший дар. — Взмах клинка, и темно-алая кровь окрашивает одежду мастера, оставляя следы на память о случившемся, но как итог он получает мертвое тело девушки.

— Хм, я думал, это сработает, — вытирая свое оружие о ткань красного сюртука, Борис смотрит в сторону новых жертв. — Ваша мать отдала жизнь на благо бессмертия, вы последуете за ней!

Громкие крики звучат в ночной тишине окрестностей Парижа, но, увы, никто в ту ночь не получил желаемого. Алхимик — «рецепт бессмертия», гробовщик — свою награду, но, что действительно ужасно, — мать и дети лишились своих жизней по глупости «любящего отца». Теперь только в объятиях смерти они обрели покой.

— О, мой милый друг, — похлопав по плечу бывшего гробовщика, Фламель, как всегда, затараторил: — Они отдали свои жизни не напрасно, это во благо наших с тобой планов. Поэтому копай, копай могилы. Они теперь во власти «Доктора смерти».

В ту ночь на кладбище плакали двое: Тейд, лишившийся семьи и смысла жизни, утирая свои слезы о грязную одежду, где пятнами виднелась кровь жертв, и луна, забравшая так рано души невинных людей.

Глава 1

В очередной раз Лондон не радовал своей погодой. Начало октября обещало дождливые дни, а это значит — пора доставать уютные свитера, кутаться в любимые шарфы и пыльные пальто. Но люди наслаждались прохладой, которая наконец спустилась на город: медленно падали пожелтевшие листья на сырую землю, в воздухе витал запах свежести, а холодный воздух окутывал с ног до головы, да и ночи стали тише.

На Портобелло-роуд, сидя в теплом офисе, где уже давно никто не заботился о приличном состоянии кабинетов, мистер Чарльз Уолтер, вальяжно развалившись в своем большом и потрепанном черном кожаном кресле, бегло просматривал свеженькую статью для нового выпуска журнала Ghost, которую ему предоставил Питер Хэмиш — лучший сотрудник редакции. Их издательство специализировалось на сверхъестественном. Вроде бы бред, но, как показывает статистика, в мире люди стали все больше обращаться к мистике и советоваться со «звездами». Немыслимо, скажите вы, но, увы, мы все так или иначе хотим предугадать свою судьбу, узнать события наперед и даже советуемся со специалистами этой области в житейских делах. Например, какую стоит брать машину, какую квартиру лучше купить и в каком районе. Такую тематику и заметил некогда молодое дарование журналистики Уолтер, и теперь его

желтая газета стала самым продаваемым чтивом среди конкурентов. Что дело до Питера? Он был талантливым парнишей — знал, как выкрутить и высосать всю кровь из пальца, как правильно привлечь всем этим читателей.

Медленно бегая глазами между строк, Уолтер не совсем уловил мысль. Питер писал о новом, недавно появившемся развлечении для народа — «Театр доктора Смерть». Новое мистическое место для утешения больной души, по крайней мере, так заявляли сами артисты в своих афишах.

Свое существование он начал относительно недавно, но популярность среди населения колоссально росла. Что известно, директор, Борис — мужчина средних лет, то ли испанец, то ли итальянец, никогда не появлялся на публике, не давал интервью и является затворником. Проведя расследование, Хэмиш выяснил, что за короткое существование столь мрачного заведения пропадали люди. В полицейских отчетах, которые прилагал журналист, была написана одна фраза: «Последнее место нахождения — бар „Театр доктора Смерть“».

Вчитываясь внимательно в статью, Уолтер понял одно: она больше похожа на полицейский отчет, нежели на то, на чем специализировалось издательство. Не слишком ли близко Питер подобрался к этому Борису и его приспешникам? Он мог заплатить огромную цену за то, что хочет влезть в такие дела. По своему опыту Уолтер знал: свяжись с нечистыми на руку людьми — готовься платить. Появившиеся из ниоткуда, они уже могли свободно контролировать свое положение в обществе, а подрыв репутации таких богачей — это именно то, что могло бы повысить продажи нового выпуска журнала, и все же нужно было учитывать все риски.

— Чертов идиот! Я не готов стольким рисковать, — мистер Уолтер устало потер переносицу, приподнимая пальцами круглые очки. — Линда, пригласите Питера в мой кабинет, сейчас же! — сообщил босс подчиненной. Секретарша медленно встала из-за своего рабочего стола, нехотя удаляясь на поиски Питера Хэмиша.

Спускаясь на третий этаж, она находит фигуру, которую так давно хотела заполучить во всех смыслах этого слова. Ее привлекали хорошо сложенное тело Питера, идеально уложенные темные волосы, глубокие карие глаза, в которые хотелось смотреть, не самый дешевый парфюм и идеально сидевшие костюмы, а также харизма и умение правильно подать себя в любой компании. Но, увы, недавно Хэмиш объявил о помолвке со своей подругой детства, и шанс заполучить желаемое приравнялся к нулю.

Мужчина средних лет сидел за своим старым ноутбуком и увлеченно подготавливал к редактированию только что найденные им данные. Что же парня так зацепило в этом месте? Да абсолютно все! Его поражало в этом новом «театре» отсутствие какой-либо программы, цены на билеты и сам коллектив, а их управляющая Шарлотта Бэгинс — самая загадочная для него личность.

— Значит, мне не показалось: все же есть некоторые расхождения в датах, странно... — тихо под нос проговаривал Питер. Вот уже вторую неделю он не мог закончить статью, потому что мысли превращались в кашу. — Вроде бы я пересмотрел архив, но ни одного упоминания о Шарлотте Бэгинс. Кто ты, черт возьми, такая? Почему за тебя так цепляется Борис?

— Мистер Уолтер попросил передать, что ждет, — кокетливо подмигнув журналисту, секретарша удалилась прочь, медленно виляя бедрами.

— Она все никак не теряет надежды? Эх, бедная Линдс, — собрав все документы в кучу, Хэмиш отправился к начальнику, предвкушая интереснейший диалог.

Поднявшись на второй этаж, мужчина уже ожидал негативной реакции, потому что знал: копал глубже, чем это было нужно. Стоя перед дверью босса, он не знал, как рассказать о новых результатах расследования и чем это все может обернуться. Рискнув, он с противным скрипом открыл старую дверь кабинета и обнаружил мужчину, сидящего в кресле, курящего дешевые сигареты. В такие моменты нельзя было предугадать эмоции старика: либо тебя поощрят, либо

сейчас огребешь по полной. Чарльз Уолтер, оторвавшись от сигареты, наконец замечает подопечного и уже с порога выдает:

— Что это за хрень, Хэмиш? Я рассчитывал на что-то более выдающееся, а это что? Детектив Артура Конан Дойля в исполнении идиота? Мертв? Директор театра, молодая жена? Ни одного интервью? Это все не в нашем стиле, больше похоже на игру в Шерлока Холмса, а мы ведь серьезные люди, Пит!

Пока Чарльз пребывал в ярости, Питер ждал подходящего момента, когда сможет рассказать самое интересное. Он знал, что загадка «Театра доктора Смерть» станет самой прибыльной статьей за всю историю журнала и что послужит поводом для расследования властями.

— Может, я и играю в детектива, но это для нашего же блага, босс. Ты не понимаешь, с чем мы столкнулись, потому что это самая настоящая история о сверхъестественном, — Питер облокотился о косяк двери, скрестив руки на груди, понимая, что заинтересовал этого склизкого человека, для которого выгода превыше всего. Небольшого роста полненький мужчина в потрепанном клетчатом костюмчике серого цвета, с нелепыми круглыми очками в золотой оправе, нервно расхаживал по кабинету, стараясь сохранить самообладание.

— Питер, подожди, — на секунду мужчина остановился у старого потрепанного кресла и медленно присел, указывая рукой на стул, стоящий напротив. — Как ты понимаешь, мы не можем выпустить эту статью в нашем издательстве, — Уолтер переплел пухлые пальцы рук и посмотрел на мужчину исподлобья. — Я хочу прояснить детали: несомненно, это ценный материал и заслуживает печати, но и ты пойми последствия. Новый бар-театр, неизвестные нам люди и их окружение.

— Понимаю, что статья неординарная, но есть то, что невозможно объяснить логически. Это место давно привлекло мое внимание, и я решил попросить взять интервью у владельца заведения, но...

— Но? — толстяк небрежно стряхнул пепел с сигареты в пепельницу, сделав безразличный вид к этой детали.

— Мне было отказано во встрече. Отказал даже не сам директор, а его приспешница. Некая мадам Шарлотта Бэгинс.

— Хм, это действительно очень странно, так как выше ты пишешь, что директор бара-театра не такой уж и старый мужчина, чтобы не контролировать свои дела, — босс почесал затылок, на котором уже была давно заметная лысина, и принялся внимательно слушать рассказ Хэмиша, попутно вчитываясь в информацию на листке бумаги.

Питер, видимо, выделил несколько основных участников театра, «любимчиков», к которым подобрался настолько, насколько смог:

Борис Фламель, средних лет мужчина, был выходцем из светского общества и имел немало интересных связей, но было кое-что интересное в его биографии: он никогда не являл себя свету и старался вести затворнический образ жизни; вместо него дела вела некая Шарлотта Бэгинс, как выяснилось ниже — жена.

Странности начались со следующего абзаца, в котором было описание двух работников заведения — Тейда Шепарда и Аарона Юманса, где первый был телохранителем Шарлотты, а второй пианист джазового коллектива, часто привлекающий внимание полиции своими выходками.

— Интересный составчик, да? — Хэмиш выдал подобие ухмылки. — Но теперь начинается самое интересное, — медленно наклоняясь к бумагам, Питер указывает на важную деталь.

— Жена? Она вам даже и двери не открыла?! Почему они поселились так далеко и на кой черт ты туда поперся смотреть шоу?

— Я захотел посмотреть на выступление, мол, что же такого в этом «театре», и оно удивило не только меня, но и мою невесту. После я решил поговорить с начальством и наткнулся

на Шарлотту с ее личной охраной в лице Тейда, которые провожали всех посетителей. Что в этом странного? У этого пса не было одного пальца на левой руке, а также имелся шрам, который проходил вертикально через всю ладонь.

— Ну так это вполне объяснимо: охрана набирается из типичных головорезов, которые будут молчать за хорошие бабки. Ну нет пальца, и живет же спокойно с кучей денег, если охраняет эту куклу.

— В том-то и дело, что шрамы у них, видимо, парные. Странно, не правда ли?

— Что ты имеешь в виду? — интерес возрастал все больше и больше.

— Потом я узнал, что они поселились в поместье Смитов в Хартфордшире, где недалеко есть кладбище одной заброшенной церкви, всего в нескольких милях. Добраться туда не проблема, а вот вывести на разговор хозяйку было довольно трудно. Она захлопнула дверь и пригрозила мне охраной.

Питер хорошо помнил тот день, когда он подъехал на своем стареньком «Форде» к поместью, и все же решился войти в обросшие плющом ворота, сквозь которые нельзя подглядеть за обитателями дома.

— *«Мрак...»* — подумал Хэмши и решительно двинулся к огромной деревянной двери. Сделав несколько предупредительных стуков, он начал прислушиваться. Тишина, казалось, окутала все пространство и будто замедлила ход времени. Серые деревья вокруг, которые потеряли листву, будто предупреждали о том, что здесь даже земля скорбит о потере всех лет. Само поместье тоже выглядело уныло: некогда белый цвет стен поразила плесень и покрыла большую часть фасада, и все тот же плющ окутывал весь дом, каменные лестницы были полуразрушены и покрыты мхом.

Ожидание длилось может несколько минут, а может и час, из-за двери вышла девушка. Ну что можно было сказать, Питер пришел в приятное удивление. Плавная вышедшая миниатюрная, худощавая девушка с красивой осанкой и прекрасными манерами приветственно поклонилась. Молодое бледное лицо, глубокие голубые глаза, не выражавшие никаких эмоций, манящие пухловатые губы, которые были цвета венозной крови, как будто не знали улыбки.

— *Прошу прощения за столь поздний визит, мисс, но я бы хотел попросить вас об одной услуге.* — Хэмши оторопел от неожиданности, потому что эта милая девушка очень сильно напомнила ему его невесту Элеонор, будто копия.

— *Мы не оказываем никаких услуг, мсье, увы, вы тут ничего не найдете. Я вынуждена вам откланяться,* — девушка собралась уже уходить, но крепкая хватка журналиста остановила ее. Питер замер. Одно касание вызывало у него мурашки по всему телу и заставляло сердце биться быстрее. Смотря в эти голубые глаза, словно два озера, он будто утонул в них, да что таить — он пропал в ней, словно заново испытал чувство любви. Манящая бархатистая кожа, ее запах, будто глоток свежего воздуха в этом царстве плесени и уныния.

— *Отпустите, иначе вам укажут на выход,* — Шарлотта всем своим видом начала показывать свое недовольство, и мужчина вынужден был отступить. Мельком оглянув девушку еще раз, он обратил внимание на руку. Шрам, такой же, как и у охранника.

— *Прошу прощения, мисс, я уже ухожу,* — быстро развернувшись, журналист стремительным шагом удалился к машине.

В тот вечер он вернулся разочарованным, так и не получив ответов на свои вопросы, но теперь у него была зацепка, а это означало одно: тайн становилось все больше.

— Хм, ну что могу сказать, Пит? Идея для статьи хороша, но мне нужно больше материала, найди еще что-то, стоящее моего внимания, — после толстяк указал рукой на дверь.

Встав со своего места, Питер посмотрел на босса, будто предчувствуя какую-то беду. Он всегда был уверен в способностях и талантах Уолтера написать гадость о знаменитостях, но эти казались не такими простыми.

Закончив свой рабочий день, журналист спешил домой, ведь там его ждала любимая семья: племянник и девушка, которую он любил больше жизни... А может, он так думал, что любил.

Глава 2

Холодный ветер подул Питеру в лицо, как только он вышел из офиса издательства. Что означало желание босса выискать больше информации? Быстро прыгнув в свою машину, мужчина немного расслабился. Сама мысль о встрече с его драгоценными рукописями и исследованиями «театра» будоражила до дрожи. Он вспоминал, как начиналась история, которая тянется на протяжении нескольких месяцев. Думал ли Хэмиш о том, что мог встретить настоящее сверхъестественное в Лондоне? Нет, но все знания, полученные такими упорными трудами, больше давали уверенности в том, что под его носом — сенсация века.

Заведя свой «Форд», мужчина двинулся прямо к дому, мечтая о чашечке горячего чая и вкусных пирожных, которые так вкусно готовила любимая невеста. Он думал о предстоящей свадьбе, как она, невероятно красивая, идет под венец. Ее темные локоны будут струиться по белоснежной ткани платья, а он как, истинный джентльмен, будет ждать у алтаря во всем черном. Но даже в такие моменты Питер ненавидел сам себя, ведь сейчас мысли были далеко не об Элеонор. На их месте появились более мрачные, недостойные и даже моментами пошлые.

«Мы не оказываем никаких услуг, мсье...» — этот довольно спокойный, размеренный тембр голоса, бархатистость с тихими придыханиями засели у мужчины в голове. Словно мышь, попавшая в мышеловку, он думал об этой Шарлотте. Его поражало все: от ее манер до фигуры. Насколько можно было быть таким прекрасным ангелом, который находился во власти непонятных людей. Питер помнил то касание к коже, мягкой, нежной; ручка была настолько маленькой в его ладони, что хотелось защитить, забрать себе и никому не отдавать.

Что заставило взрослого человека хотеть столь юное создание? Даже сам журналист не знал; думалось, все это просто навязчивые мысли, но чем больше он узнавал о ней, тем больше его затягивало в пучину бессознательного. Отношения с его невестой были уже не те. Все больше он отдалялся от Элеонор, и тонкая грань была проведена тогда, когда начала писаться эта чертова статья.

Чем ближе он подъезжал к дому, тем больше возрастало чувство неподдельной тревоги. Как ему смотреть в глаза возлюбленной, как он будет обнимать и говорить слова любви, если как таковой ее и нет? Вот уже виднеется здание, такое же унылое с виду, как и его внутреннее состояние. Выйдя из машины, первые капли упали на серое пальто, что означало: ливень уже не за горами.

Быстренько вбежав в подъезд и нажав кнопку лифта, Питер предвкушал начало одного и того же диалога: «Какие цветы лучше поставить в качестве украшения на стол? А свадебный торт лучше с вишневой или фисташковой начинкой?» Жутко бесит! Раздражало даже малейшее присутствие Элеонор.

Вот и его этаж. Шагнув в пустоту коридора, он открывал привычные двери квартиры. Вот и она, старенькая, но уютная, с запахом обжитого пространства и такими ненавистными салатными стенами.

— Любимый? — из кухни доносится резкий, тоненький голосок, а затем появилась фигура его Элеонор. Она, как всегда, была красива. Длинные ноги, которые прикрывала ткань свободной юбки, тонкая синяя блузка, темные волосы были собраны в пучок, а на лице читалась неподдельная радость.

— Я вернулся, и, Эли, пожалуйста, не трогай меня. Уолтер накинул работенки, и сейчас не лучшее время для разговоров, ладно? — он приблизился к девушке и оставил легкий поцелуй на ее нежной щеке.

— С тобой явно что-то происходит, Пит. С тех пор как ты начал расследование о том баре с необычным названием. Вроде что-то связанное с театром.

— «Театр доктора Смерть», — выпалил Хэмиш даже не задумываясь.

— Это не важно, главное — что все изменилось. Наши отношения явно катятся не туда, понимаешь? — она взглянула в такие родные глаза, которые уже не отражали той былой теплоты.

— Явно катятся, Эли. Явно. — Оставив свое пальто на вешалке в прихожей, журналист направился в свой кабинет.

Вот тут он мог ощущать спокойствие и умиротворение. Его рабочий стол стал похож на местную свалку: архивные записи, документы из разных источников, даже полицейские сводки — все указывало на то, что тут живет сумасшедший, а не штатный журналист желтой прессы. Тут он мог быть тем, кем являлся, зная, что желание узнать Шарлотту больше никто не сочтет за бред. В его фантазии была весьма яркая картинка, как она была благодарна ему за спасение от уroda Бориса, причем не только словесно, но и физически. Ее тело могло вполне сойти за утешительный приз или быть для него главной наградой. Почему? Кто она такая, чтобы забрать все мысли Питера, кто ей дал право управлять его желаниями? Усевшись в свое кресло перед компьютером, журналист продолжил начатое им расследование. Все указывало на то, что сведения о баре были сфабрикованы, не сходились данные и о Тейде. Вроде бы биография ничем не примечательная, но был один нюанс. Найдя старые фотографии его предков, заметно, что все мужчины были похожи как две капли воды.

— Что за гребаная хрень! — Все стало гораздо запутаннее, чем было. Устало потерев глаза, Пит услышал, как кто-то открыл дверь его кабинета. Не обратив внимания на вошедшего, журналист выкрикнул:

— Черти, Эли, катись обратно, я просил меня не беспокоить всего несколько часов!

— Дядя, я, конечно, не Эли, но прогонять — это не слишком ли? — незванным гостем оказался племянник, который иногда помогал родственнику в его грязных делах. Что касалось юноши, он был немного не в себе, так как имел некоторые отклонения. Еще в шестнадцать лет ему поставили диагноз, который связан с его психическим здоровьем. Это было тяжело. Все, что пережил малец, — это страшно, ведь могло разрушить его и так на тот момент хрупкое и подвижное психическое состояние.

Пит любил племянника, доверял ему документы и свои мысли, иногда поручал перебирать бумаги.

— Мышонок, прости за крики, ты что-то хотел? — журналист устало выдохнул, сняв очки и положив их на стол.

— Я просто хотел спросить, как продвигается твоя статья, жуть интересно узнать развязку. Получилось взять интервью?

— Вот тут и возникла проблема. Они мне отказали. Я думал, что девушка, которая всем заправляет, более разговорчивая, чем ее хозяин, но нет — всего лишь заносчивая дура.

— Это она? — тонким пальчиком юноша указал на фотографию на рабочем столе дяди, где находилось фото управляющей заведения. Заметив свою оплошность, Питер быстро выключил компьютер и пригрозил:

— Вот что я тебе скажу, парень: все то, что я мог тебе рассказать об этом деле, рассказал, но ее не трогай, ясно?

— Почему ты так говоришь? Она тебе явно нравится, а как же Эли? — парень находился в искреннем недоумении. Скоро намечалась свадьба, неужели дядя нашел другую?

— Да она не сравнится с Эли! Пустышка! Понимаешь, иногда у людей начинаются испытания в отношениях, но не все их могут пережить. — Хэмиш ласково оглядел парня и после попросил удалиться, оставшись наедине со своей статьей.

Ночь подкрадывалась незаметно, неся с собой прохладу и очередной дождливый день. Некогда веселые улицы быстро пустели, а жители торопились согреться чашечкой чая. За городом воцарилась полная идиллия: темная ночь порой могла скрыть самые мрачные мысли, унося их с наступлением яркого утра.

В поместье Смитов, где недавно остановилось семейство Фламель, готовился ужин. Дворецкий Джо начал подавать к столу, осталось только дожидаться хозяев. Со второго этажа слышались шаги, а затем в столовой появился и сам Аарон, пребывающий в не самом хорошем расположении духа. Было видно: что-то разозлило вспыльчивого юношу. Причину долго искать не пришлось. Следующие спустились Бланш, или, как все привыкли ее называть, мадам Бэгинс, в сопровождении своего верного друга Тейда, которые весело переговаривались на французском.

— Джо, — с нескрываемым отвращением произнес Аарон, даже с брезгливостью. — Как думаешь, скоро ли они займутся любовью или, нет, подожди, соединят свои тела и души воедино? Вот это я придумал, классно звучит, правда? — пианист оглядел вошедшую пару и обвел их силуэты указательным пальцем.

— А тебе лишь бы поговорить о половых предпочтениях, мелюзга? — бас Бориса разнесся по всей гостиной, а это означало, что пора закрыть свой рот.

Вальяжно шествуя к своему месту, директор оглядел всех своих слуг и жестом указал, что можно сесть и начать трапезу. Нужно отдать должное Джо: его рагу из ягненка было чем-то божественным. Борис нашел его в далеких 60-х, решив дать шанс грязному бездомному, и вот результат — идеально выдрессированный слуга. Значит, и других можно воспитать по образу и подобию, всего лишь нужно иметь над ними власть. Директор знал о слабых местах всех живущих с ним. Тейд — законченный пьяница, но как сторожевой пес вполне хорош; Аарон — дрянной мальчишка, но так желавший быть успешным во всем, что не брезговал ничем. А его драгоценная Шарлотта, так наивно мечтающая получить любовь и заботу, что была вынуждена согласиться на все, что ей было продиктовано.

За столом воцарилась тишина. Будто предвестник чего-то плохого, она распространилась по всем комнатам. Все присутствовавшие принялись за ужин, но только Шарлотта никак не могла начать: весь день ее голова была забита тем журналистом, который приходил просить интервью, и она надеялась, что Борис не узнал о небольшой провинности.

Первым молчание нарушил Аарон, зная, что сейчас подходящий момент для издевки.

— Дорогой директор, смею-с доложить, — он стрельнул невинными глазками в мадам Бэгинс, намекая на то, что «Тебе крышка! Я знаю твой грязный секрет». — Наша милая и очаровательная *Шарлотта* смела пустить на порог дома СМЕРТНОГО. Что ты скажешь в свое оправдание, *хорошая девочка*? — парень злорадно усмехнулся, ведь он так давно мечтал поставить на место эту выскочку. Для него девушка была главным конкурентом, потому что спокойно могла властвовать над всеми ними, а пианист не любил контроль. Он старался обходить все возможные правила, дабы почувствовать снова себя живым, но и это было не самым главным. Ему никогда не нравились очень теплые и тесные отношения Шарлотты и Тейда, ведь сам хотел с ним иметь такие же. Иногда зависть может сподвигнуть на грязные поступки.

— Все интереснее и интереснее слушать эту душещипательную историю, Аро. Что же мне сможет поведать моя любимица? — Борис направил гневный взгляд на девушку, понимая, ситуация вышла из-под его контроля. — Это правда?! ОТВЕЧАЙ!

Мадам на мгновение замешкалась и решила рассказать. Она понимала, что за ответом последует наказание.

— Это так, мсье. Я действительно виделась со смертным, — она невольно опустила взгляд на свои руки, а ведь тот парень явно успел рассмотреть шрам.

— Ушли все, немедленно! — на весь дом раздался дикий крик. Борис быстро направился из столовой в свой кабинет, остальные участники решили не гневать директора и также поспешили удалиться.

Их в комнате осталось трое: Тейд, который хотел прибить Аарона за его длинный язык уже давненько, потому что знал, как пианист ненавидит девушку; Шарлотта, ну и, собственно, герой сегодняшнего вечера, улыбавшийся во все зубы впервые за вечер.

— Ты решил выслужиться и подлизаться, говнюк? — бывший гробовщик яростно приблизился к пианисту. — Зря ты затеял игру, малыш. Сам же огребешь по первое число. Знаешь, что происходит при упоминании смертных? Вылазка обеспечена, готовься.

— Ого, сам Шепард решил вступить и нарушить правила договора? Напомнить о твоём геройстве и чего по итогу ты лишился? Если бы не она, проблем было бы меньше! — медленно сокращая между ними расстояние, Аарон заглянул в зеленые глаза противника, которые скрывала черная челка. Грубоватые черты лица излучали опасность, но для него это лишний способ позлить коллегу.

— Заткнулись все! — выкрикнул Борис, вернувшись обратно. — Мне нужно подумать немного, жду вас к полуночи у кабинета, а ты, — он указал пальцем на Шарлотту, — идешь за мной.

Две фигуры скрылись за тяжелыми дверями, оставив мужчин наедине. Терпению Шепарда пришел конец, и, не дожидаясь ответных действий, он резко схватил Аарона за глотку, прижимая к стене. Иногда гробовщику было трудно сдерживать истинные эмоции рядом с этим засранцем, и, когда наконец выпала такая возможность, нужно ею воспользоваться. Парень давно не получал по своему смазливому личику, а поводов было немало.

— Когда-нибудь я отрежу твой язык, сраная мартышка! — слушая тихие хрипы пианиста, мужчина все же сжалился, отпустив парня, и отправился прочь.

— Когда-нибудь ты отлипнешь от нее, Тейд. Я сделаю все возможное, будь уверен, — поправив свои пшеничные локоны, проговорил Аарон вслед уходящему гробовщику.

Глава 3

Медленно ступая по старой деревянной лестнице, Шарлотта понимала, что вновь должна была ответить за оплошность, которая не требовала внимания. Проходя по длинному коридору, который был украшен старыми картинами, она вспоминала те спокойные времена, где они жили не в ущерб себе и могли спокойно являть себя людям. Одна из картин девушку цепляла особенно: на ней была изображена супружеская пара — бывшие хозяева поместья. Утонченная женщина в своем лучшем черном платье, которое струилось до самого пола, держала под руку мужчину в парадном костюме, с которым перенесла все тяготы жизни. Ее лицо выражало ту любовь и умиротворение, которые ей дарил статный седой джентльмен, готовый отдать все для своей любимой.

Что до самой Шарлотты, ее проступок, по мнению хозяина, оказался велик, а наказание было всем известно: Шарлотта помнила его тяжелые удары кулаком, от которых оставались синяки, и, как назло, их нельзя было скрыть ничем.

Одним из условий таких аудиенций было принятие кары за содеянное — было запрещено скрывать последствия, чтобы и другие знали, кто на самом деле главный, по-настоящему владеющий их душами.

Некогда юная Шарлотта мечтала о своем маленьком счастье и крепкой семье, думала о материнстве и как будет доживать свою старость с любящим мужем в семейном поместье. Но это было двести лет назад, сейчас же она — «жена» того самого монстра, который обещал ей свободу и самостоятельную жизнь, а по итогу стала служительницей бара «Театр доктора Смерть». Молодая телом, но так стара душой, не видя мира, девушка жаждала освобождения.

Он не дал ей выбора, лишь служить и выполнять приказы, зная обо всех ее слабостях, и силой заставил быть с ним.

Борис — самое ненавистное существо, которое предало Бланш. Девушка давно мечтала о смерти, пытаясь таким образом избавиться от тягот жизни, но даже этого ей не дали. Они все бессмертны и должны считать это даром, но по итогу получили проклятие на все оставшееся бесконечное служение.

Приближаясь к знакомой двери кабинета, девушка знала, что ближайšie два часа ее ждут муки. Она была готова принять свою участь, потому что это заставляло думать о смерти: «О, может, сегодня мое тело не выдержит, и я наконец умру? Будет ли это сегодня, или завтра, или в другой день? А вообще, возможно ли умереть?»

Пропустив даму перед собой, директор захлопнул массивную дверь на ключ, не давая права на отступление. Пусть себе орет, ее крики никто не услышит, на помощь никто не прибежит. Как только двое остались в кабинете, подобно хищнику массивная фигура приблизилась к девушке, заключая ее в жесткую хватку.

— Ты доигралась, Шарлотта! — Первый удар приходится по лицу, тяжелый кулак сразу оставил ярко-красный след на белой коже щеки. — Скажи, ты настолько бесполезна? Тебе сложно выполнять элементарные поручения, которые тебе дают? — Еще один удар.

— Простите меня, хозяин, — тихий хрип нарушает тишину кабинета.

— Я виновата! Я впустила его, простите меня, больше такого не повторится, уверяю.

Удары хозяина не пропускали ни одной части тела молодой девушки. Он старался донести очень простую вещь: их жизнь далась огромными, вековыми трудами. Борис честно и тщательно выводил формулу вечности, которой наградил их, поэтому стоило лишь одной оплошности случиться — считай, нет ни их самих, ни театра.

Постепенно пыл мужчины угас, и он решил не издеваться над Бланш. Наслаждаясь болезненными хрипами юной леди, мужчина сел в свое кресло за дубовым столом, продолжая наблюдать за страданиями своей подопечной.

— Ты же знаешь, что подобным образом можешь свести нас в могилу, Шарлотта, — директор присел в свое огромное кресло, на которое падали лунные лучи, и скрестил тонкие пальцы на руках. — Сейчас это лишь мелкая проблема, но, если на нас обратят внимание те, кто не должен? Ты хоть понимаешь своими куриными мозгами, что этот парень может создать нам много проблем? Как думаешь, кому придется это все разгрести?

— Я вас прекрасно понимаю, мсье Борис, но он сам зашел в наш двор и начал говорить со мной. Если бы не Тейд, то неизвестно, что бы произошло.

— В твоих словах есть здравый смысл, но никто не отменяет того факта, что ты сама виновата в том, что это допустила! Ты сама недоглядела, хотя твоя главная обязанность — следить за всем и за этими оболтусами. Понимаешь, они лишь пешки в моем плане, а ты — та самая главная нить между ними и мной, и ты, милая, прекрасно это понимаешь.

— Тогда мне сейчас позвать Тейда и Аарона? Они, скорее всего, стоят под дверью и ожидают. — Самое меньшее, что она могла сделать сейчас, — это уйти от ответа и переключить внимание на двух мужчин за пределами кабинета. Лучше пусть они будут говорить о мерзких вещах сами, а она просто уйдет и будет спокойно готовиться к завтрашнему дню.

— Разумеется, нам нужно что-то решить с этим Питером Хэмшем. Зови.

Шарлотта выдохнула: она поняла, что теперь находится в полной безопасности. Развернувшись на каблуках и пряча свое лицо в густых, темных волосах, она быстро вышла из кабинета, тихо пробормотав парням, что они могут войти.

В это время Аарон и Тейд были увлечены перепалкой между собой, что, кажется, и не замечали девушку. Бегло окинув их взглядом, она прошептала:

— Je ne supporte pas ces gamins! 1 — Когда эти двое находились вместе, они становились необычно похожими на малых детей, которые то и дело ругались по пустякам! То Аро украдет оружие гробовщика и начнет стрелять в стены их общей комнаты, то Тейд так и норовит ударить этого засранца по одному очень пикантному месту, а потом убежит к Ванде жаловаться на то, что юноша грозитя прикончить его во сне. Хотя все это и было забавно до одури, но о главном никто не забывал — они убийцы.

— J'en ai marre de sa compagnie 2 — послышался тихий отклик от Тейда, и мадам, слабо улыбнувшись, поспешила удалиться.

Парни слышали все: от начала скандала директора и управляющей до сдавленных криков и хрипов, исходящих от Шарлотты. Никого не смущало то, что периодически происходило в кабинете; это была своеобразная зона отчуждения, где никто не хотел оказаться. Прекрасное было время тогда, лет сто назад, когда они ничего не предпринимали и сидели тихо в Италии, где могли гулять и наслаждаться жизнью обычных людей, спокойно показываться на местных рынках, пить прекрасное вино и говорить о чем угодно. Но сказке всегда приходит конец, ведь именно поэтому теперь они в Англии и вынуждены тащить свое мерзкое бремя якобы для службы во имя бессмертия.

— Опять эти ваши французские переговоры. Достали переглядки с мисс «безупречная репутация»! Они раздражают до жути, о чем вы говорили? О том, где сегодня произойдет ваше уединение? Расскажите! Я тоже хочу быть причастен! — Аарон был раздражен, но это было несравнимо с тем, что он чувствовал. Каждый раз он надеялся, что сможет быть хоть на капельку ближе к этому холодному мужчине, понять, почему он именно так груб с ним, но так нежен с этой отвратительной тварью. Она была как камень преткновения для любого мужчины, потому что была хороша собой. Тонкая талия, выразительные глазки, безупречный стиль и походка от бедра — это то, что хотел от нее Борис и получал всегда нужный результат: всеобщее внимание. Девушка была лишь приманкой для всех посетителей бара. Это чертовски несправедливо.

— То, что ты называешь «уединением», мой дорогой, — это как раз то, чего тебе не хватает, да? — Гробовщик был удовлетворен реакцией пианиста: он знал, что этого гаденыша смущает разговор о непристойностях. Как же это будоражило кровь. Хотелось вновь и вновь подстегивать этого мелкого, потому что реакция забавляла.

— Секс — это мерзко. Если в контакт входят два тела и проживают при этом положительные эмоции, то это — акт любви, придурок! Ах да, такому тупому не понять!

— Закончил?

— Не-е-е-т, я только начал!

— Так, хватит прохлаждаться! Я вас долго буду ждать? Сегодня будет очень долгая дождливая ночь, друзья! — Из-за деревянной двери послышался голос грозного директора, а это означало, что время пришло для главного выхода наемников из «Театра доктора Смерти».

Ночь в этот день была поистине беспокойной. Ливень, который прогнозировали еще неделю назад, решил, что сегодня идеальное время, чтобы обрушиться на Лондон. Именно в этот день, тридцать первого октября две тысячи девятого года, семейство Хэмиш решило практически полным составом отправиться в графство Сомерсет. Но с самого начала все шло не по плану: то машина заглохнет, то брат Питера забудет какую-то вещь в доме — в общем, все изначально шло к провалу.

— Мы будем на месте часа через три, если не больше, — крикнул Питер и сел в машину, захлопывая дверь.

— Милый? — неожиданно пассажирское сиденье перестало пустовать, и его заняла будущая жена. — А вообще безопасно ли ехать ночью в такую даль? Мне кажется, нам нужно было подождать до утра.

— Ты утрируешь, солнце. Завтра у нас будет шикарный день, мы наконец выбрались всей семьей на отдых, определенно, эта поездка стоит того.

— Не все, Пит. Мышонок в последнее время явно чем-то озабочен. Постоянно прячется от меня, не позволяет даже прикоснуться, но вот тебя он почему-то любит. Что-то произошло, о чем я не знаю?

— Может, и так, но он достаточно большой мальчик и в состоянии решить проблемы самостоятельно, ты так не считаешь?

— Ты сам знаешь причину, почему он не может. Это уже переросло в маниакальную стадию, самое ужасное уже близко. Он на грани.

— Ты опять все усугубляешь, это просто подростковый период, гормоны и все дела, — Питер был готов взвыть от того, что проблема с этим приемным мальчишкой касалась и его. Да, он давал ложную надежду на то, что тот может быть полезен, но увы, это всего лишь обман, и Мышонка ждет та же участь, что и его родителей, а именно госпиталь Святой Анны (психиатрическая больница для подростков).

Увы, семейство Хэмиш бесплодно — они называли это карой. Поэтому Элизабет и Скотт Хэмиш, брат Питера и его жена, решились на отчаянный шаг и взяли ребенка из приюта, но и тут их ждало испытание. Мальчика, которого они усыновили, было достаточно сложно воспитать, потому что с рождения у него наблюдались некоторые психоэмоциональные отклонения, как и у его биологических родителей. О них было известно немного: отец был наркоманом, который выполнял грязную работу за кого-то, а мать страдала шизофренией, которая, по всей видимости, передалась и малышу. Мышонок попал в интернат для мальчиков совершенно случайно: его нашли на дороге, одного и брошенного.

Питер зачем-то вспомнил это и, чтобы прекратить бесполезный поток мыслей, решил поторопить семейство. Мысли все равно крутились в голове, а еще это чертово расследование, которое могло бы стать сенсацией века, но, увы, это было не главным. *Она*. Маленькая мисс Несчастье — Шарлотта Бэгинс, которая всем своим существованием перечеркнула привычную жизнь журналиста.

— Ну что? Все на месте? Едем! — отрезвляющий звонкий голос трещал в голове, а значит, брат и его обаятельная супруга были на месте и готовы к отправлению.

Семейство Хэмиш было одним из самых уважаемых в обществе. Некогда Скотт Хэмиш открыл свой небольшой бизнес: юный и уверенный в себе, он работал не покладая рук, чтобы в будущем его прекрасная жена не нуждалась ни в чем. Теперь им уже за пятьдесят, и эти люди можно сказать эталон идеального брака. Питер тоже мечтал об этом, поэтому он увидел в Элеонор ровно такое же будущее, как и у своего родственника: семья, дом и дети. Но из-за этого расследования вся жизнь пошла под откос. Гребаный Уолтер, гребаная шайка, гребаная Бэгинс — будь она проклята.

Шоссе накрыл настолько сильный ливень, что, даже если захотеть, ты ничего не увидишь. Два часа ночи, прекрасное звездное небо было затянуто тучами, будто погода была предвестником чего-то плохого. Серый «Вольво» ехал не спеша, как черепаха, направляясь к месту назначения. Но кто знает, может, эта машина не единственная на трассе.

Так и было: за машиной Питера следовала другая. Старенький пикап, где два пассажира о чем-то громко спорили; может, они сбились с пути или эта пара, которая ссорилась?

— Ты чудовище, Шепард! Почему именно авария? Мы могли бы просто прострелить его тупую башку!

— Юманс, когда ты стал придирчивым к методу убийства? Сам голыми руками душил, а теперь жалко стало?

— Я не понимаю одной вещи. Тейд, скажи мне искренне, как ты только разговариваешь с этой мадам-подстилкой? Что в ней такого? Почему мы с тобой не можем поговорить как друзья?

— Потому что мы никто друг другу, Аро! Потому что мы с тобой два гнилых человека, которые никогда не уживутся друг с другом. Она просто другая, прими наконец-то этот факт. И покончим с этим!

— Ты любишь ее? Ведь так?

— Нет! Это просто дорогой мне человек, вот и все!

— Тогда почему и я не могу быть твоим дорогим человеком? Мы вместе уже сотни лет, а такое впечатление, что мы чужие и всегда ими будем. Но с ней ты другой: хочешь защитить, говорить с ней, заботиться.

— Посмотри на мою левую руку, посмотри, черт тебя дери, на мою руку! Я сделал это для тебя, но какого хрена ты даже не поблагодарил, сукин сын!

Аарон на минутку задумался. Он помнил тот день, когда Тейд вступился за него перед боссом, помнил тот момент, когда этот чопорный и здоровый дядя предложил свой палец взамен на то, что Аарона не накажут. Музыкант знал, что в гробовщике есть те качества, которые тот тщательно скрывает, но искренне не понимал, почему все чувства он отдает этой стерве.

Аккуратно взяв коллегу за руку, пианист, будто замороженный, поднес ее к своему лицу, пытаясь лучше рассмотреть. На левой кисти, где красовался шрам от среднего пальца и до запястья, а на месте, где должен быть мизинец, не было ничего. Юмансу казалось, что самое жестокое, что могло произойти, — это не то, чтобы он сам лишился пальца, а то, что за него это сделал другой. Они никто не были святыми в прошлом, но так изощряться над людьми было неправильно. Почему никто? Потому что они все убийцы, которые следовали к одной цели, но она не оправдывает средства.

— Благодарю... — только и мог прошептать пианист.

— Руки убрал от меня, тушканчик, — грубо отрезал Тейд. — Ты решил, что сейчас подходящий момент об этом сказать? Больше мы не вернемся к этому разговору, потому что именно сейчас нам нужно это сделать! — бросив бешеный взгляд сквозь Аарона, следом уже уверенным рывком открывается дверь со стороны пассажира, резко выталкивая того из машины на полном ходу.

Избавясь от своего напарника — мужчина прибавил скорость, направляя пикап в сторону серого «Вольво», готовясь выпрыгнуть. Это был рискованный план, и именно поэтому Тейд пошел на него, зная, что таким образом он избежит от двух зайцев одновременно. Заранее в багажнике пикапа лежали два тела, которые могли бы сойти за двух пассажиров, которые были невнимательны на дороге в ливень и врезались в другую машину. Это вынужденная мера, по мнению Бориса, но почему тогда на душе было так больно, когда нужно было кого-то убить? Где тот гробовщик, который убивал и не задумывался о последствиях? Может, на него так действовала Шарлотта, которая помогала потихоньку меняться вместе с ней, или это несуразный диалог с Аароном, который напомнил, что Шепард все же человек? Откинув эти мысли, Тейд надавил на газ.

Утро в редакции Ghost начиналось как обычно. Уолтер заскочил за стаканом черного кофе. Странно, что сегодня, в такой солнечный день, Чарльз предчувствовал что-то плохое: его интуиция редко подводила. Наконец начальник вошел в свой старенький обшарпанный

кабинет и первым делом проверил почту. Он все ждал от Питера отредактированную статью, которая, по словам журналиста, должна уничтожить еще несколько несчастных жизней. На часах уже одиннадцать, почему Питер ничего не прислал?

— Линдс, милая, прошу вас, найдите этого Хэмиша, и побыстрее. Если я узнаю, что этот недоносок решил отказаться от статьи, то он труп!

— Сэр, тут такое дело...

— Никаких дел! Ничего не хочу слышать! Никаких оправданий!

— Сэр Уолтер? — в кабинет журналиста вошли трое инспекторов, что заставило сердце редактора биться в три раза быстрее.

— Чем могу помочь?

— Ваш журналист, Питер Хэмиш. Когда в последний раз вы видели его?

— Вчера вечером, после шести мы закончили работать над последней статьей, и он уехал к себе домой. А что, собственно, случилось?!

— Питер Хэмиш и вся его семья, включая невесту Элеонор Гарден, вчера попали в аварию, к сожалению, никто из них не выжил. Теперь мы собираем сведения, кто и когда их видел последний раз живыми. Может, вы знали, что кто-то угрожал им? Были ли конфликты с кем-то?

Уолтер замер. Его лучший журналист погиб! Погиб! И что теперь делать? Как такое возможно?

— Питер был замечательным парнем, — Чарльз на мгновение замешкался. Все же нужно было слушать Пита и быстрее выпускать статью про этот чертов бар-театр; наверное, они это и сделали с ним. — Несколько месяцев назад мы с ним начали работать над статьей про новый открывшийся бар под названием «Театр доктора Смерть», и то, что Пит говорил про них, было чем-то странным.

— Что именно было странным?

— Судя по всему, они как-то причастны к исчезновениям людей, и Пит расследовал это.

— Хм, весьма интересно, нам нужна эта статья для дальнейшего изучения.

Все это поражало. Еще вчера здоровый и живой Хэмиш распыхивался перед начальством о новом прорыве, интересной статье и дальнейших планах на жизнь, а сегодня он был мертв, и причина кроется в том, что он подобрался к этим ничтожествам слишком близко.

— Конечно, но, к сожалению, он не выслал ее мне. У нас ее нет.

— Зато, — один из полицейских достал папку с документами и положил ее перед Уолтером, — у нас есть, и мы хотим, чтобы вы выпустили это как посмертную статью. Посмотрим, верны ли ваши версии и покойного о том, что за обычным баром скрывается некая мафия.

— Как скажете, сэр. Мне и самому интересно, как погиб мой сотрудник.

В поместье Смитов было все как обычно. Многие служители театра спали мирным сном, кто-то, как Тейд и Аарон, тихо и мирно отдыхали после очередной вылазки, готовясь опять притворяться нормальными людьми. Джо готовил завтрак для только что проснувшихся обитателей дома. После вчерашнего, был уверен дворецкий, Борис не будет так сильно придирается к Шарлотте и оставит ее в покое. Вечно он любил наводить шумиху среди своих, и это всех заставляло волноваться.

Приятный аромат разнесся по всему поместью. Прекрасная овсянка с фруктами и травяной чай — это то, что нужно было для Шарлотты сегодня.

— Спасибо, Джо, — она мило улыбнулась дворецкому и села за стол.

— Прекрасно выглядите, мадам, — он поставил перед ней готовую еду и протянул что-то вроде стопки газет. — Свежая пресса.

— Благодарю, — аккуратно перебирая стопки с бумагой, Шарлотта начала сортировать письма: где были счета, письма от благодарных зрителей, предложения о финансировании и...

— О нет! — ее крик, кажется, заполонил каждый уголок дома, потому что то, что увидела девушка, означало конец не только ей самой, но и всем им.

— Шарли? — голос Бориса раздался со второго этажа. — Какая-то проблема?

— У нас у всех проблемы, Борис. Они узнали правду о «Театре доктора Смерти».

Спускаясь быстрыми шагами по лестнице, Борис уже представлял, о чем пройдет речь. Он подошел к своей подопечной и резким рывком отобрал сверток бумаги. Бегло оглядев текст статьи, мужчина ухмыльнулся и тихо проговорил:

— Как эти уроды ошибаются: мы хуже, чем они себе представляют.

«Какие тайны у бара „Театр доктора Смерти“?»

«Недавно открывшийся бар уже успел заполучить признание у многих критиков, так как сочетает в себе уникальную концепцию современного джаз-бара, но с атмосферой циркового выступления. По описанию можно и не понять, что это вообще за место, но стоит вам его посетить, как все встанет на свои места — это заведение привлечет ваше внимание. Однако за всей уникальностью и потрясающим оформлением стоит непростая история.

Директор бара, некий Борис Реджельтон, никогда не раскрывал свою истинную личность, не присутствовал ни на одном из выступлений своих подопечных, скорее всего, предпочитая вести затворнический образ жизни. Но не будем торопиться с выводами.

В штате у господина Реджельтона находится одна особа, которая не живет своей жизнью, и жила ли она вообще? Некая Шарлотта Бэгинс, кроткая и чуткая ко всем гостям администратор, по документам из архива умерла двести лет назад. Можно сделать один вывод: либо эта женщина украла личность, либо она и не умирала, а нашла способ прожить вечность.

Самая странная деталь, которую можно уловить в этой непонятной сверхъестественной заварушке, — это наличие у всех работников бара шрамов, идущих от среднего пальца на левой руке до самого запястья. Обратная ли это сторона древнего ритуала, который алхимики Средневековья проводили для продления своей жизни? Но на этом наши с вами вопросы не прекращаются.

Стоило немного покопаться в полицейских отчетах, и всплывает одна любопытная деталь: много одиноких людей, пропавших без вести, видели в последний раз именно в «Театре доктора Смерти».

В заключение можно и не писать о том, какое это место загадочное и весьма интересное, но появляются три главных вопроса: где Борис Реджельтон? Сотрудники заведения живут вечно? И причастны ли они к смертям людей?»

Ред. Чарльз Уолтер

В память о выдающемся журналисте Питере Хэмеше

Глава 4

Мы слишком долго прятались и, добравшись до славы, обрели еще большее чувство тревоги, чем в прошлом.

Начнем, пожалуй, с самого начала.

Себя мы зовем «безжизненными», потому что наша жизнь — это существование. «Театр доктора Смерть» стал нашим пристанищем и нашей тюрьмой. «Театр» был всегда разным:

изначально он не представлял из себя ничего — только двух людей, соединенных идеей; вскоре это превратилось во врача и его помощника, потом в адвокатскую контору, ну а сейчас — что есть, то и есть. Думаю, мне пора представиться. Я — Шарлотта Бэгинс, известная среди работников бара как Бланш Д'Баво.

Для каждого из нас «прислуживание» в этом убогом месте началось весьма нестандартно. Кто-то, например, как Аарон, сам сделал выбор в пользу своих желаний, которые мог воплотить один влиятельный и сумасшедший господин, но, сам того не понимая, попал в ловушку, из которой, как оказалось, выбраться невозможно. Знакомство с Реджельтоном было фатальным для всех нас, потому что мы все потеряли что-то по его вине. Вообще, фигура Бориса является главной в нашей системе, и, кстати, о ней! Театр — это лишь прикрытие для получения энергии от людей, чтобы продолжать наше бессмертное существование, поэтому этот итальяшка предложил нескольким людям некий эксперимент, который доказывал, что все гнилые качества человека, которые у него есть, могут тоже приносить пользу. Для этого вы должны пожертвовать своей жизнью и вступить к нему во служение. За это давалось вознаграждение — исполнение любого твоего желания. Так, например, Ванда, джазовая певица тридцатых годов двадцатого века, вернула себе молодость и скинула лет двадцать, а также голос и славу. Аарон стал популярным, как и хотел еще в девятнадцатом столетии, мечтая о признании. Но бесплатный сыр бывает только в мышеловке, не так ли? Мы все повелись на красивую историю о прекрасной жизни, но последствия осознали гораздо позже. А теперь перейдем к тому, с чего все началось.

Борис Реджельтон — так он себя называл в далеком Средневековье — был учеником самого известного алхимика Николая Фламеля. Юный и обаятельный итальянец с загорелой кожей, темными густыми волосами и пронзительным взглядом темных глаз мечтал превзойти своего учителя и доказать, что вечная жизнь бывает не только в сказках о некромантах, но и у обычных людей. Результатами совместной работы с учителем стали лишь горы трупов, постоянные стычки и разборки. Позже Николай ушел в поиски философского камня, что очень сильно задело эго юноши, и он решил оставить свои наработки для лучшего времени. Но человеческая жизнь, к большому сожалению, не вечна: учитель должен был рано или поздно уйти на тот свет, что и случилось, но и тут Борис извлек свою выгоду. Украд все записи своего наставника, он решил сам заняться исследованием «секрета бессмертия», но для этого ему нужны были союзники.

Тейд Шепард — он был не самым лучшим человеком. Его знали как осквернителя могил, мародера, если можно так выразиться, и заядлого пьяницу, который частенько за небольшую плату мог сделать самое грязное дело за кого-либо. Высокий, мускулистый мужчина с грубыми чертами лица покорял своей жестокостью тех, кто хотел нажиться на несчастье других. Он и стал первооткрывателем нашего клуба «безжизненных», потому что связался с этим отвратительным протеже великого алхимика. Дело было вот в чем: чтобы получить бессмертие, нужно пройти определенную церемонию посвящения, но проводилась она только в определенную фазу луны и только с добровольно добытой кровью человека, но, видимо, Борису было плевать на добровольные взносы крови на его ритуалы. Много пострадало от этих двух, но Тейд осознал свое бедственное положение только тогда, когда выдающийся алхимик прикончил на его глазах жену и детей. Но разве гробовщик мог выдавить хоть каплю эмоций? Нет, даже несмотря на захлебывающихся кровью детей и слушая тихие стоны почти скончавшейся жены. Они оба не знали, что такое пощада, и этим пользовались весьма успешно, при том что это оставалось безнаказанным. Но мы не будем останавливаться на этих подробностях, потому что дальше начнется наша история создания «Театра».

Помимо Бориса и Тейда, есть мы — второстепенные участники всего этого хаоса. Я стала третьей, кого нашли после Шепарда. Моя кровь была самой подходящей для создания эликсира

бессмертия, главным его ингредиентом. К тому же им нужна была лишняя рабочая сила, ведь мой милый муж Антоан просто решил от меня избавиться.

Наша история началась в девятнадцатом веке в одном из прекрасных регионов Франции — Провансе. Моя семья была далека от всех титулов и дворянского происхождения: мама и папа выращивали овощи, так они и обеспечивали меня и двоих братьев, Жерара и Луи, которым на тот момент было по пять лет (близнецы, что было редкостью для того времени). Я тогда обучалась в закрытой женской школе для девушек из бедных дворянских семей. Девочек воспитывали в духе благочестия и покорности мужу, обучали хорошим манерам, изящным искусствам, рукоделию, музыке, пению, поэзии. Позже, после окончания школы, мне предложили остаться и преподавать. Меня всегда тянуло обучать игре на фортепиано, потому что именно этот инструмент мне дался легче, нежели игра на скрипке. Двадцатого мая тысяча восемьсот тридцать пятого года произошло то, что перевернуло мою жизнь навсегда.

Был прекрасный весенний день, небо дарило много света и тепла, ароматы лаванды витали по всему городу, наполняя радостью и новыми силами все окружающее меня пространство. Настроение действительно было на высоте. Мы разучили одно из произведений Баха и отточили навыки сервировки стола — это были самые любимые занятия до начала экзаменов. Прекрасные воспоминания. Пройдя еще немного, я достигла конечной точки пути и приблизилась к нашему скромному жилищу. Но было странно: мама не возилась, как обычно, с розами в саду, о которых заботилась, как о своих детях, а папа не прощался у калитки перед тем, как уйти к своему другу помогать с работой. Все вокруг замерло, будто это картина, написанная художником, которая вызывала волнение и страх.

— Мам?

— Бланш, мы на террасе, приведи себя в порядок и подойди! — голос отца звучал достаточно грубо.

Быстро проскочив в свою комнату, я сняла форму, достала из шкафа нежно-голубое платье, которое берегла для особых случаев, повязала волосы лентой, собирая в аккуратный хвост, и надела туфли.

— Бланш, ты тут? — прозвучал голос матери за дверью.

— Мама, что-то случилось? Все ли в порядке?

— Да, присядь на минутку, милая. — Она села на стул рядом с моей кроватью, я же расположилась на краю, поднимая юбку платья.

— Ты знаешь, что в последнее время наши дела идут туго, папа старается подработать где можно, но это не приносит больших денег, а ты уже в том возрасте, чтобы создать свою семью, — она отводит взгляд, будто стыдясь сказать следующие слова.

— Только не говори мне, что вы решили выдать меня замуж?!

— Это все ради нашего и твоего блага, родная, ты пойми нас. Он тебе понравится: высокий, статный мужчина, имеет несколько игорных домов, и семьянин выйдет из него прекрасный. Присмотришься к нему, молю тебя.

— Мам, я вас прекрасно понимаю, но это все слишком неожиданно. Почему именно сейчас? — я не успеваю закончить, как раздается очередной стук в дверь.

— Дамы, могу ли я зайти? — дверь в комнату приоткрывает молодой мужчина.

— Так, Бланш, это мсье Антоан Д'Баво, о котором я тебе говорила. Раз вы сами решили зайти, тогда не буду мешать и покину вас, — быстро пробормотав, мать удалилась, оставив нас наедине.

После этих слов моя жизнь разделилась на «до» и «после». В тот день в мою комнату вошел рослый мужчина тридцати двух лет. Его голубые глаза, игривая улыбка, уложенные волосы, дорогой костюм, статная поза, которая могла расположить любого человека к себе, — это все привело меня только к одной мысли: он действительно прекрасен, как тот герой из романов, которые было запрещено читать.

Пожились мы через три месяца после знакомства, и потом я переехала к нему и стала вести быт как примерная супруга. Он, в свою очередь, старался меня баловать, одаривал подарками, любил брать с собой на променады и хвастался перед другими своими друзьями: мол, посмотрите, какая у меня красивая жена. И как хорошо он ко мне относится. Как бы не так. Смотря на это сейчас, понимаешь одно: это не то чувство привязанности и любви, которое могло разжечь огонь между двумя людьми. Знаете, что еще больше? Когда тебя считают бесполезной. Не смогла родить наследника — значит, проблема в тебе, а не в заядлом пьянице, который не делил с тобой постель в течение пяти лет. Моя роль заключалась в прикрытии его сексуальных походов в дома терпимости. Эти проститутки были объектами вожделения моего «драгоценного» на протяжении многих лет, а я закрывала глаза и ждала, когда же он соизволит уделить хоть каплю своего времени и подумает о будущем нашей семьи, но у этого человека не было ни чести, ни достоинства.

В один прекрасный день мой муж совершил страшную ошибку, связавшись с еще большим грешником, чем он, Борисом. Но никто не знал, что цена его желаний — мои плоть и кровь, в прямом смысле этого слова. Антоан хотел процветания своего дела, как говорят сейчас — бизнеса, поэтому не брезговал никакими методами. Он обратился к достаточно успешному человеку, который был не только хорошим врачом, но и человеком, занимающимся благотворительностью, то есть вкладывал деньги в чужие дела.

Это случилось зимой. Я готовила праздничный ужин, ведь Антоан предупредил о прибытии важного гостя, который помог ему разрешить все его проблемы. Но этот вечер стал судьбоносным и обернулся совсем не так, как я ожидала. Бланш Д'Баво было суждено умереть для этого мира, а на ее месте появилась Шарлотта Бэгинс.

Думаю, на этом можно закончить рассказ о прошлом и вернуться в настоящее.

Позвольте пригласить вас в наш «Театр доктора Смерть».

Глава 5

К сожалению, сейчас судьба была совсем к нам неблагоприятна. Какой-то журналист решил поиграть в детектива и раскрыть якобы грязные секреты нашего заведения. Да, мы утаивали очень многое: например, смерти людей и маленькие происшествия. За многие века существования нашей организации, если так можно выразиться, ни один смертный не был близок к разгадке тайны бессмертной жизни, потому что, как правило, нам удавалось предотвратить любые вмешательства, но не в этот раз.

Обложку журнала украшала всем известная витражная «роза Нотр-Дама», название почетно разместилось посередине и распласталось почти до самого края серебряными буквами. Красиво, но кто бы мог подумать, что за этим скрывается такая чушь! С самой же первой страницы идет рассказ о том, что есть некий бар и... Кто позволил этому выродку строить теории и так нелепо их обосновывать!? Хотя есть в этом и моя вина, потому что не уследила за ним, да и кто знал, что он пришел вынюхивать.

— Ты поступила очень тупо, Бэгс. — Ах, мой любимый капитан Очевидность Аарон: когда нужно, он молчит, а когда не надо, его не заткнуть, ну, если только это не сделает Тейд.

— А как мне, по-твоему, нужно было поступить? О, простите, но, к сожалению, за сто лет моего существования в этом поместье я не наблюдала ничего странного, ну, кроме моих обожаемых подопечных, которые проживают не одну свою жизнь. И не забываем, что наш создатель убивает тех людей, которых полиция разыскивает по всему городу. Мне нужно было выложить всю правду о нас, о Борисе, о клятве на крови? Что мне нужно было сделать?! — я еле сдерживала подступающие к моим глазам слезы. Насколько сильное удовольствие доставляет этому паршивцу доводить меня, зная, что выслужиться перед Борисом и прикрыть их задницы — моя главная обязанность, но он жаждал того момента, когда я сдамся и признаю свою никчемность перед всеми.

— Ну-ну, что ты! Ты просто впустила незнакомца в наш дом и совсем немного — в наш маленький уютный мир! Как он узнал про эти шрамы? Ведь только тебя он видел вживую! Ты пропустила в бар этого несчастного бедолагу, и кто же стал разбираться с этой проблемой? Конечно, Тейд и Аарон! И поэтому....

— Полегчало? — грубый голос гробовщика отрезвил, и он медленно подошел. — А теперь слушай сюда, отродье, ты понимаешь, в каком мы все дерьме? И то, что этот журналист заметил шрам, — это моя вина! Я не надел перчатки, и он увидел его! Что ты на это скажешь?

— Скажу, что....

— Вы закончили грызться, как бойцовские собаки перед боем? — как призрак, неожиданно появившийся Борис прошелся перед Аароном и Тейдом, отодвигая их плечом в сторону. Устроившись в своем любимом кресле в гостиной, где мы собрались для обсуждений, он достал из пиджака портсигар и закурил при нас. — А теперь я хочу выслушать разумные идеи о том, как исправить ситуацию. Шарлотта, разработай новый план по работе бара и уведоми Феликса о пошиве новых костюмов для выступающих, также предупреди Ванду о смене репертуара, пусть найдет новых музыкантов — старые нам не нужны. А, и еще, — он пристально посмотрел на нас, как на безмозглых. — Вы должны понимать, что тайна нашего существования поставлена под угрозу, но мы не теряем надежды на лучшее, верно?

— Мистер Реджельтон, — прозвучал тихий голос из-за спины Аарона. — Я слышал, что ходят слухи об изменении концепции вашего рода деятельности; если это так, то мне нужно поменять полностью гардероб нашей труппы, — это был Феликс, самый молодой и талантливый юноша в компании.

— Минуту, мой дорогой, — сделав последнюю затяжку, Борис потушил бычок о дно пепельницы, которая стояла на деревянном столике возле кресла, и поспешил удалиться вместе с юношей.

Я чувствовала облегчение в данную минуту, ведь сейчас хозяин ушел в достаточно приподнятом настроении, а это означало одно: мы уходим на перерыв, чтобы каждый смог отдохнуть, обдумать, что произошло, и... Да кого я оправдываю? Мы просто заляжем на дно, как и делали во всех экстренных ситуациях.

— Бэгс, — на мое плечо легла тяжелая рука, по голосу сразу стало понятно, что это Тейд. Он единственный, кто мог поддержать меня в трудную минуту, всегда был опорой и примером стойкости и хладнокровия, которого мне, увы, не хватало. — Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но ты должна понимать: это не твоя вина. Парень сам себе вырыл могилу, а то, что мы его убили, — обычное стечение обстоятельств.

— Mon cher 3, — аккуратно коснувшись пальцами грубой кисти, я продолжила. — Мы все зависимы от Бориса и все понимаем, на какие риски идем, но разве такая игра стоит жизни невинного?

— Понимаю, — он перехватил мою руку и развернул лицом к себе, заключая в теплые объятия. — Главное — это закончилось на какое-то время, и ты сможешь жить спокойно без угрозы для существования. — В следующее мгновение я почувствовала нежное прикосновение его обветренных губ к моему виску, и в этот момент мне захотелось заплакать. Впервые кто-то за эти десятки лет решил меня защитить; наконец я смогла открыть все свои переживания хоть кому-то за двести лет нахождения в этом убогом месте.

— Тейд? — подняв свой взгляд на него, я увидела в ответ такой же, полный нежности и сочувствия. Лицо грубого мужчины, которое никогда не выражало эмоций, вдруг выдавило что-то наподобие улыбки.

— Мы справимся, моя дорогая, мы все выдержим, — его объятия стали крепче, но вдруг из-за широкой спины гробовщика показалась белокурая копна волос.

— Так и знал, что застану вас двоих в интимной обстановке, — казалось, голос Аарона дрожал, будто сейчас он взорвется от гнева. — Ну как, успели быстро сблизиться, пока муженек

твой не видел? Здесь есть масса мест, вот смотри... — Затем белобрысый начал перечислять все известные ему места в доме.

Будто почувствовав угрозу, гробовщик разомкнул наши объятия, отстранился от меня, и мы повернулись лицом к пианисту.

Юноша стоял в дверном проеме, оперевшись о косяк, сама его поза говорила: «Ну-ну, и как вы будете оправдываться?». Беспечный и полный энтузиазма, в своей безразмерной белой рубашке и зауженных черных брюках, он источал темную ауру, заполонившую все пространство вокруг.

— Аарон, милый, что-то случилось? — Чем ближе я к нему подходила, тем больше замечала то, что ранее скрывалось от нас всех. Этот белокурый парнишка, с небрежно собранными в пучок волосами, еле сдерживал слезы. Его тонкие губы были искусаны в кровь, тело немного дрожало от напряжения.

— Ты случилась! Ты и твоя жалкая пародия на заботу и дружелюбие, Шарлотта! О, как бы я хотел, чтобы ты сдохла! Нет, мне бы хотелось лично убивать тебя, медленно и мучительно, за каждый проведенный год с тобой в этой ужасной клетке!

— Аро... — Решив больше не усугублять ситуацию, я хотела подойти и поговорить с ним, но юноша развернулся и быстрым шагом направился к деревянной лестнице, ведущей на второй этаж, успев только прокричать: — Тебя ждет босс, не опаздывай!

— Что с ним не так, Тейд? — шепотом проговорила я.

— Остается только терпеть, ну или же можно немного припугнуть, — мужчина громко вздохнул. — Ладно с этим я разберусь сам, все-таки это моя ответственность, а ты иди, пока Борис не начал искать тебя.

Поднимаясь в кабинет хозяина, я не могла предположить, сколько смогу получить ударов, будет ли это слишком больно, сколько нужно тональной основы, чтобы замаскировать очевидные следы очередных побоев. Когда мы подписывали договор с нашим нынешним хозяином, то поклялись выполнять все его прихоти. Борис был предсказуемым мужчиной: его гнев и ярость всегда перерастали в физическое и моральное насилие.

Подходя к массивной деревянной двери, стоило бы постучаться, но грубый и властный голос по ту сторону меня опередил. Открыв дверь, картина передо мной предстала не из приятных.

— Наконец, моя дорогая и горячо любимая жена, проходи, — схватив под локоть, мужчина протащил меня вглубь кабинета. — Чего застыла? Чай, кофе, а может, и что-то покрепче? Ведь у нас есть что с тобой обсудить, — Борис облизнул пересохшие губы, а затем приблизился к моему лицу. Почувствовав запах перегара, я вздрогнула.

— Я так понимаю, мы думаем вернуться с новым бизнесом? Все будет организовано: помещение, поставки и персонал. Наш состав пополнится или он останется прежним?

— Тсс, — он приложил указательный палец к губам и ехидно улыбнулся. — Дела, дела. Они подождут, главное, что сейчас все налаживается, ведь так? Хотя нет, подожди! Есть проблема, которая меня сейчас беспокоит. Мне нужна кро-о-овь! *Mi capisci, tesoro. No bisogno di lei!* 4

— Борис, только не говори мне, что ты сильно пьян.

— А? — его бешеные темные глаза блуждали по всему моему телу, будто хищник на охоте, готовый разорвать свою жертву. — Не говори ерунды, это просто новая порция для поддержания моего прекрасного тела.

Ну действительно, на красивом дубовом столе уже стояло несколько пустых бутылок.

— Для тебя это шутки! Ах, да! Тюрьма — всего лишь комната, а приговор — лишь цифры! Борис, пойм: вместо того, чтобы сейчас сидеть и пить в таких количествах, мы должны решить общую проблему. Ресурс заканчивается, крови не хватит для остальных, и поэтому

нужно снова открывать бар. Чем больше ты сидишь и бездействуешь, тем сильнее страдаем все мы.

— Эй, пе-ре-ги-ба-ешь, — мужчина подошел к окну, вид из которого выходил на кладбище, где было упокоено энное количество жертв, некогда убитых нами. — Ты будешь ценнее всех тех, кто был убит, кто будет убит; твоя кровь — дар божий за все наши грехи. Такая благодатная, густая и терпкая, — его поведение выдавало истинные намерения. Теперь было ясно, для чего меня пригласили.

— Дорогой, если сейчас ты не в духе, то отложим открытие, можем залечь на дно и спокойно переждать этот кризисный момент. Что ты думаешь? — хоть он и был тем еще гадом, но сейчас и ему тяжело. Подойдя к нему, я обняла его со спины. — Ты нам нужен с чистой головой и, главное, в здравии.

— Думаешь, стоит уходить? Мне страшно, что будет дальше, понимаешь? Риски, чертены риски. Я запутался, любимая. Ты права, нам нужно уйти. Факт того, что меня могут посадить, меня беспокоит меньше всего. А пока... — мужчина взял меня за руку и, поднеся к губам, поцеловал тыльную сторону руки. После, разворачиваясь и глядя прямо в мои глаза, он улыбнулся словно маньяк и закатал рукав моего черного платья, оголяя руку до плеча, чтобы хорошо были видны места, где он брал кровь.

— Хорошо, мы уйдем в затишье, но для начала ты сделаешь то, что я хочу, ведь так?

— Вижу, теперь твое настроение улучшилось?

— Да, пусть все забудут о говнюке Питере Хэмише, об убийстве на ночной дороге. Пока живы мы — живо и наше дело. «Театр доктора Смерть» не должен умереть.

Глава 6

Ночной город оживился, люди буквально заполонили местные пабы, рестораны и забега-ловки. Все текло своим чередом: без новых происшествий, громких убийств и скандалов. Это ощущалось как новый этап в наших жизнях. Некоторые даже нашли себе новое хобби. Наша всеми обожаемая Ванда начала заново осваивать готовку: ведь прежде она и близко не подходила к плите, но зато теперь у нас есть прекрасная возможность попробовать что-то новое. А Тейд увлекся просмотром телесериалов и фильмов — теперь его не оторвать от этого занятия.

После того скандала, который обнародовали в прессе, мы решили дать себе передохнуть, но никто не думал, что это доставит в разы больше проблем, чем ожидалось. Из-за этого пяти-летнего перерыва я поседела на полголовы! И все из-за чего? Ах да! Вечные комментарии и просьбы Бориса о том, что нужно подготавливать новое место для открытия бара, название которого мы даже менять не будем. Бессмыслица, но кого бы это волновало?

«Если хочешь спрятаться, делай это у всех на виду!» — вот все, что сказал босс перед тем, как дать мне хорошего пинка и координаты, куда нужно будет съездить и посмотреть помещение в аренду.

Но это не самые кардинальные перемены, на которые мы вынуждены были пойти. Поместье Смит мы поспешно покинули из-за частых проверок полиции: так как в порядке первой очереди они решили осмотреть дом на наличие вещественных доказательств, ведь они могли бы сразу отправить всех за решетку. Нас бы посчитали соучастниками, а Бориса как главу, можно сказать, мафиозной организации. Но это было не так уж и важно, потому что без эликсира и крови нас всех через неделю нашли бы на полу камер в качестве мумий, только без этих бинтов, обмотанных по всему телу. Прежние помещения на Грейт-Рассел-стрит пришлось сжечь дотла, подкинув несколько трупов. Наши личности стерты из памяти бывших посетителей и других горожан, пока мы не будем готовы вернуться в новом амплуа и представить людям новый мир, где они будут всеми любимы и обожаемы. Мы смогли доказать, убедить всех, что шестеро «убийц» мертвы, и это сыграло самую важную роль в дальнейших событиях, но об этом я расскажу позже.

Вернуться через пять лет — это еще не гарантия того, что все может получиться. Нужен был четкий план: создание нового концепта бара, потому что мы понимали: такой популярности, как раньше, мы уже не сможем добиться в кратчайшие сроки. Фальшивые документы и новые имена. Теперь такая личность, как Шарлотта Бэгинс, навсегда будет запечатлена на бумаге и иметь свое прошлое, настоящее, но не факт, что будущее. Ванда была там убита и похоронена под пеплом прошлого, под деревянными балками старого паба, но вот, чудесным образом, подобно фениксу, она возродилась, но только с другой фамилией.

Главная проблема — даже не в этих организационных моментах, была причина глобальнее, чем обыденные дела. Борис. Наши тела были подвергнуты рискованному эксперименту одного сумасшедшего, который на протяжении десяти лет пытался создать правильный ритуал, который смог бы поддерживать жизнедеятельность всего организма без возрастных изменений. Для этого ему нужна была кровь человека с «разломом внутри» и кровь человека с чистой душой, чьи надежды и мечты могли резко разбиться в одночасье. Фаза луны, в которую нужно было идти на святую землю (в нашем случае это было кладбище), потому что, по поверьям, в средние века — кладбище было самым чистым местом, так как всех отпевали и очищали молитвой божьей. А вот ритуал Бориса был направлен на разрушение этой защиты и отдачу дани всему темному. Сложно ли это? Нет, выполнить было достаточно легко. Добыть кровь? Мою? Ха, проще простого. Силой или же я отдавала это добровольно — не имело смысла, а вот кровь других людей нужно было забирать силой. Выслеживать таких было всегда проблематично; потребовалось несколько лет, чтобы выучить повадки и научиться правильно вести с ними диалог. В вашем времени научиться социализации для таких неотесанных, как мы, можно только при помощи курсов по психологии — их, собственно, и оплатил Борис.

Если рассматривать весь ритуал, он должен был выглядеть так: раз в месяц, в новолуние, на святой земле, собравшись в круг и начертив особые знамения, вестник вечной жизни должен раздать подопечным по кубку с особым отваром, где сливались воедино кровь отрешенного и чистого, давая особую силу для продления жизни создателя и его последователей. По завершению всей этой вакханалии слуги должны были сделать надрезы от начала среднего пальца до запястья левой руки, тем самым пролив кровь в круг, даруя создателю часть своей энергии в доказательство того, что мы все ему верны. Но вот сейчас, спустя столько веков, ритуал начал давать сбой.

На прошлой неделе, когда мы выбирали новое место жительства в районе Хэмпстед, где многие дома и так пустовали, оставляя лишь догадки о том, кто жил здесь, нас с Борисом привлек один в два этажа, окруженный внутренним двориком, но его состояние оставляет желать лучшего, да и цена слишком била нам по карману. Дом действительно выглядит пугающе. Его фасад кроваво-красного цвета, окна заколочены досками, внутри ситуация не лучше: грязные стены, облупившиеся обои, разбросанный по комнатам мусор и сломанная мебель. В описании было указано, что дом требует полной реконструкции и подойдет только покупателям, готовым вложить значительные средства в ремонт, но у босса были свои планы по организации починки старой рухляди.

— Так что, мы сошлись по цене, мистер Реджельтон? — худощавый мужчина лет за семьдесят, протянувший боссу свою иссохшую руку, ждал удачного завершения сделки. — Только вот не пойму, на кой такому статному мужчине сдался такой ветхий дом?

— Ну, право слово, вы наговариваете. Семья у нас большая, шесть человек. Я, моя дражайшая супруга и четверо наших детей устали ютиться в квартирке, хотелось что-то попросторнее. Этот вариант вполне хорош собой, — мужчина не торопился просто так отдавать свои честно накопленные деньги, у него был другой план.

Пока эти двое вели свои старческие беседы, я решила осмотреться. Сгущались сумерки, поэтому ради своей безопасности я решила пройти по территории особняка.

И все же место было прекрасным. Красивый белокаменный дом заставил меня вспомнить то место, где я когда-то жила со своим супругом Антоаном. Вечерний туман окутывал поместье, придавая всему окружающему таинственный вид. Мрачные тени деревьев, растущих вдоль узкой дорожки, казались живыми, словно шептались друг с другом о давно забытых секретах. В воздухе витал запах влажной земли и чего-то еще — легкого, но настораживающего, словно предвестник беды. На одной стороне двора стояла старая беседка, обвитая плющом, который, казалось, пытался окутать ее целиком. Внутри беседки лежали старые пыльные книги, страницы которых были пожелтевшими и изорванными. Некоторые из них были открыты, и на них можно было разглядеть странные символы и заметки, написанные неразборчивым почерком. Свет фонарей, расставленных вдоль дорожек, мерцал, создавая иллюзию движения, и казалось, что кто-то наблюдает за каждым шагом. В этом дворе, полном загадок и недосказанности, каждый звук, каждый шорох могли стать началом новой истории — истории о любви, предательстве и, возможно, мести. Вечерний туман сгустился, и двор, казалось, готовился раскрыть свои тайны только тем, кто осмелится заглянуть в его темные уголки, но и мы были не из трусливых. Даже смешно о таком было думать.

Времени было в обрез, и я решила вернуться, но, как только приблизилась к своему боссу, то увидела нечто странное. Смуглая кожа мужчины была покрыта небольшими язвами, будто у прокаженного, а это означало одно: тело не выдерживало векового существования. Борис начинал умирать.

— Вы закончили? — Чувство тревоги накатывало с каждой секундой: если человек увидит такое, то могут возникнуть проблемы. — Дорогой, нам нужно спешить, есть некоторые неотложные дела, это касается твоего бизнеса. Мне звонил Аро, нужна твоя помощь.

— Эх, молодежь, все спешите куда-то. Самое ценное, что у нас есть, это время, проведенное друг с другом. Вот даже взять выбор дома. Ветхий, поросший плесенью... вы ж угробите кучу денег на его восстановление. Купили бы уж коттедж неподалеку, да жили б, не зная бед, — старик харкнул, затем достал сигарету из кармана потрепанной куртки, поджег и, поднеся к своим обветренным губам, закурил, выпуская колечки дыма.

— Есть в ваших словах правда, мсье. Мы с мужем давно хотели завести свой укромный уголок, но времени у нас не так много.

Кажется, он понял мой намек. Борис поспешил передать деньги владельцу, и, торопясь закончить диалог, мы поспешили удалиться.

— Грешники, — фыркнул старик нам вслед, думая, что мы не услышали. — А такие, как вы, горят в аду. Помяните мои слова.

Спустя год

Мы собрались в столовой поместья, где утренний свет пробивался сквозь тяжелые занавески, создавая причудливые тени на стенах. Запах свежесваренного кофе смешивался с ароматом только что испеченного хлеба, который Джо успел приготовить до нашего с Борисом пробуждения, но даже это не могло развеять напряжение, которое витало в воздухе. Я чувствовала, как каждый звук, каждое движение становились громче, словно в этом пространстве время замедлилось.

Борис спустился со второго этажа по витой деревянной лестнице; пройдя в столовую, он сел напротив. Его лицо было непроницаемым, а глаза смотрели в пустоту, будто меня и не существует вовсе.

Мужчина отрезал кусок хлеба, но его руки дрожали, и я заметила, как он сжимает нож так, что костяшки побелели. Я не могла не думать о том, что произошло накануне, о том, как его слова, полные упрека и недовольства, повисли в воздухе, как туман, который не рассеивался даже при ярком свете.

— Ты не собираешься ничего сказать? Может, обговорим покупку помещения под бар? Будешь что-то предпринимать? Скажи хоть слово! — наконец нарушила я молчание, и мой голос прозвучал в тишине, как выстрел. Борис поднял на меня взгляд, и в его глазах я увидела что-то, что заставило замереть: смесь гнева и раздражения, которую он старательно сдерживал.

— Что ты хочешь услышать? За столь короткий срок ты не смогла найти ничего стоящего, что удовлетворило бы мои запросы! — его голос был низким и напряженным, как струна, готовая лопнуть. Я почувствовала, как в груди все сжалось, и в то же время меня охватывало чувство безысходности. Мы оба знали, что разговор, который нам нужно провести, был неизбежен, но ни один из нас не хотел делать первый шаг.

А за окном разыгрывалась утренняя симфония природы: птицы щебетали, ветер играючи шелестел кронами деревьев, сквозь которые пробивались тонкие лучи света, причудливой формы облака куда-то не спеша плыли по небу. Я снова взглянула на Бориса, и в этот момент между нами проскользнула искра — нечто большее, чем просто напряжение. Это было осознание того, что мы стоим на краю пропасти, и один наш шаг может привести к непредсказуемым последствиям. Но об этом не хотелось задумываться, хотелось просто быть одним из тех облаков в небе...

— Я просто хочу, чтобы ты был честен с собой. За тот короткий срок, который был дан, можно было найти лишь каморку в окрестностях Глазго, — произнесла я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Борис снова отвел взгляд, и тут стало понятно, что он готов рвать и метать. В этот момент я ощутила, как холодный пот пробежал по спине. Завтрак, который должен был быть обыденным и спокойным, превратился в битву неразрешенных конфликтов и скрытых тайн.

Тишина снова окутала нас, и я знала, что этот разговор станет не просто началом дня, а началом чего-то гораздо более масштабного, в нехорошем смысле этого слова.

— И ты смеешь мне перечить? Не забывай, кто вам всем дал работу, дом и все те блага, которые есть! Не боишься последствий? — и вот как, сидя за одним столом с этим чудовищем, я могла сохранить спокойствие? Не спорю, он был хорош собой: высокий, смуглый, его прекрасные каштановые волосы всегда были уложены, будто после салона, а карие глаза гипнотизировали всякого слушателя, но за такой внешностью прятался настоящий монстр, которого он даже не пытался скрывать.

— Боюсь ли я? Серьезно?! После стольких лет мучений я должна сидеть и взрослому мужчине говорить о том, что он делает нерациональные выводы? Просить от своих сотрудников невозможного! Ты сам-то пробовал сделать хоть что-то своими силами? НЕТ! Тогда почему мы должны из кожи вон лезть и приносить тебе все на блюдецке? Ты и так убил все, что мы любили и чем дорожили! — Глупо было полагаться, что после стольких лет выслуг он будет добр к нам и скажет: «Ну что вы, все в порядке, я вам помогу». Борис лишь мог просмотреть грозным взглядом с мерзкой ухмылкой, ударить и наказать, не более, а терпеть все эти унижения — уже осточертело.

— Заткнись, тварь! — резким движением он вскочил со своего места и рванул в мою сторону, а когда оказался в сантиметрах от моего лица, схватил под локоть. — Ты лишь пешка в моих руках, мусор, который я однажды подобрал невесть откуда и сделал так, чтобы ты ни в чем не нуждалась!

— А ты спросил меня, нужна ли мне была такая жизнь? Мне хотелось унижаться тогда перед тобой и моим мужем? Как красиво ты говорил о том, что можешь дать мне все. Получается, ты мог только лгать? — ладонь ослабла на плече, а пальцы медленно поползли к моей шее, а когда преодолели свой путь, сжались, словно оковы, пытаясь перекрыть воздух.

Карие глаза сверкнули нездоровым блеском в лучах утреннего солнца, и я не могла произнести ни слова. Когда мужчина входил в состояние бешенства, то начинал проводить уроки

перевоспитания. В особенности кулаками, поэтому ситуация, в которую я попала, была очередной и далеко не последней.

— Какая же ты жалкая, видела бы себя со стороны, — лицо Бориса приближалось все ближе к моему. — Пытаешься ухватиться своими маленькими ручонками за несчастную жизнь. Позволь напомнить: я дал тебе эту свободу, я сделал так, что ты купаешься в роскоши. Позволь задать тебе один вопрос, моя милая. Почему же ты не убежала от такого монстра, как я? — горячее дыхание опалает мои губы.

— Хочешь, чтобы я тряслась от страха, как несчастная собачка? — так, ситуация выходила из-под контроля, но, к счастью, Борис зажал меня между столом и своим телом, поэтому я незаметно стараюсь взять нож, который лежал возле тарелки, пряча его в рукав своего черного платья.

— А разве не уже? — между нами расстояние все больше и больше сокращалось, и это был знак, что пора действовать.

Резким движением, достав нож, я всаживаю его в кисть руки Бориса, тем самым вырвавшись из его крепкой хватки, и под звуки громких криков бегом направляюсь на второй этаж в свою комнату.

Оказавшись внутри, я прижалась спиной к холодной двери, пытаюсь успокоить себя. Как же мне быть в этой ситуации? Картинки из прошлого, как мы все попали в его ловушку, резко всплыли в голове.

Вспоминая старую Шарлотту, которая всегда была мечтательной и наивной, верила в то, что мир полон доброты, что все поступают честно и по совести. Могла ли она представить, что встретит человека, который станет ее кошмаром? Борис был обаятельным и харизматичным, и в начале нашего знакомства я была очарована его вниманием. Но вскоре его истинная натура раскрылась, и ловушка захлопнулась, как и двери, ведущие к спокойной, нормальной жизни.

«Почему я не смогла дать отпор раньше?» — думала я, сжимая кулаки. В памяти всплывали моменты, когда можно было сказать «нет», когда могла бы уйти, но вместо этого оставалась, надеясь, что все изменится. Но как же я ошибалась, думая, что смогла бы улизнуть из его скользких рук, поэтому сейчас чувствовала себя слабой и беспомощной, как будто позволила ему сломать себя.

Глубоко вздыхая, я старалась успокоить дрожащие руки, потому что это было настолько унижительно, потому что позволила ему так с собой обращаться. Выждав некоторое время в комнате, прислушиваясь к каждому шагу из коридора, я, собравшись с силами, сделала шаг вперед, отстраняясь от двери.

— Все будет хорошо, все будет хорошо, ты справишься с этим, мы уже делаем успешные шаги, ведь так? — разговаривая с собой, я не заметила, как уже стояла в дальнем углу своей комнаты, пытаюсь сдержать подкатывающее чувство страха и тошноты.

Страх. Это определено то состояние, в котором я нахожусь больше двухсот лет, варюсь в этом мерзком котле, но показать настоящие эмоции этому полудурку — нет, никогда. Он и грамма этого не стоил. Ту боль, которую храню все это время, никто из всех них не мог понять, разделить, а больше всего бесило, что ни один не задумывался о всех неудобствах и проблемах, которые доставляли мне.

Слезы начали скатываться по щекам сами собой, но даже всхлипнуть я не смела, потому что не дам себя услышать — я буду стараться идти дальше. Стук в дверь заставил меня вздрогнуть и на секунду затихнуть.

— Шарлотта, это Тейд, можно войду? — Встав на ноги, я подошла к двери, отпирая ее. Он каждый раз оказывался рядом, когда наши перепалки с Борисом заканчивались бойней или резней. Гробовщик — единственный, кто мог проявить сочувствие и позаботиться обо мне в самый тяжелый момент жизни.

Немного вздрагивая, я вышла из-за двери и предстала перед мужчиной. Мое длинное черное платье, плотно облегающее фигуру, украшенное кружевами, было в пятнах крови, напоминающих о недавнем столкновении. Опустив взгляд на свои тонкие руки, которые нервно играли с рукавом, я надеялась, что это не сильно заставит его расспрашивать о случившемся. Подняв глаза, встретила обеспокоенный взгляд Тейда. Тот, кто всегда ходил с грозным, холодным выражением лица и был отстранен от других, боялся, что все эти конфликты могут привести к тому, что ему придется убить меня, как он некогда сделал это со своей женой и детьми.

— Ты в порядке, Шарлотта? — спросил он, осматривая меня. Голос гробовщика был мягким, словно обволакивал и убаюкивал.

— Да, все нормально, — ответила я, стараясь сохранить спокойствие, хотя в голосе послышались нотки напряжения. — Это всего лишь... случайность.

Тейд взял мою руку в свою так, будто боялся, что может держать ее в последний раз.

— Это не случайность. Я вижу, что ты напугана. Что произошло? Что он сделал с тобой?! — Я отвела взгляд, рассматривая пол в поисках ответа. Внутри все еще бушевал страх, связанный с угрозами Бориса. Воспоминание о его руках, сжимающих мое горло, внезапно нахлынуло, и я почувствовала, как подгибаются колени.

— Мы с Борисом поспорили насчет помещения для бара, а потом все пошло совсем не по плану. Он хочет невозможного в самые кратчайшие сроки, но для этого ничего не делает. Я устала тащить все на себе, — наконец произнесла я тихо, как будто боясь, что слова могут привлечь его внимание снова. — Он угрожал мне... душил. Это его кровь.

Тейд вздрогнул. Его выражение лица стало более серьезным, а заломы на лбу углубились.

— Он непредсказуем, ты же сама это прекрасно знаешь, так почему начала с ним спорить?

— Я думала, что смогу справиться и переубедить его. Я пыталась поговорить с ним, понять. Но он потерял контроль. Я... я не могла дышать, Тейд. Поэтому я защищалась как могла — вонзила нож в его руку.

— Ты сделала ЧТО!? — он сжал мою руку крепче, показывая свое беспокойство. — Ты не должна была оставаться с ним одна, Шарлотта. Это безумие. Ты должна была рассказать мне раньше.

— Я знаю. Но, увы, так вышло. Что нам делать дальше? — Гробовщик не дал мне договорить, притянув меня к себе, заключая в крепкие объятия.

— Не волнуйся об этом, — сказал Тейд уверенно. — Я не позволю ему тебя тронуть.

— Спасибо, топ шер! Мне нужно время, чтобы собраться. — Больше сдерживать эмоции не получалось. Когда гробовщик находился рядом, все менялось, становилось спокойнее, потому что я чувствовала себя под защитой.

— Матушка? — раздался голос позади меня. Это был Феликс, самый младшенький из нас.

Меня всегда поражал этот юноша. Парень с белыми волосами был худощавым и довольно высоким, с изящным телосложением, мягкими чертами лица и длинными ногами, что придавало ему эфемерный вид. Его волосы, как снежный покров, падали на лоб и за уши, создавая легкий беспорядок, который не оставлял места для сомнений в его особенностях. Удивительно, но в его внешности не было ничего грубого: даже его худые щеки и слегка выдающийся подбородок добавляли ему загадочности, словно он был создан из теней и лунного света. Большие выразительные глаза парня, цвета ледяного залива, словно заглядывали тебе в душу. Они носили в себе глубину, каждое движение отражало плавный и почти меланхоличный взгляд. Стиль одежды также подчеркивал его неординарность: уникальные фасоны, которых не увидишь ни в одной витрине бутика, но всегда в одной цветовой гамме — черной. Все в его облике, от внешности до манеры общения, создавало впечатление, будто он сошел с готической картины.

— Да, родной? — стараясь сохранить самообладание, тихо произнесла я. Глядя на него, мне вспомнилось наше первое знакомство, которое было столь же неприятным, как и все события, происходящие здесь.

Сто одиннадцать лет назад

Ночной Лондон окутан завесой тумана, который стелется по улицам, словно призрачное покрывало, скрывающее от глаз все тайны и загадки этого величественного города. Уличные фонари, слабо мерцающие в полумраке, бросают тусклый свет на брусчатку, создавая причудливые тени, которые танцуют на стенах старинных зданий.

В воздухе витал запах дождя, смешанный с ароматом дыма от заводов. Небо затянуто облаками, и лишь редкие звезды пробиваются сквозь серую пелену.

Ночь в Лондоне — это не просто время суток, это волшебство, полное тайн и мистики, где каждый шаг может привести к неожиданной встрече, а каждый шепот может окантаться призывом из другого мира.

В ту ночь Тейд и Аарон вернулись с очередного задания, после которого обязательно следовали подколы друг друга, а после шутки про удобное место жительства, возле кладбища.

— Значит, будем убивать, зачем еще мы остановились жить в этой халупе? — возмущался Аарон, сегодня хоть без колких комментариев.

Перевалив за полночь, мы с пианистом расположились в креслах возле камина, где приятно потрескивали дрова, которые натаскал гробовщик еще утром. Уютная атмосфера казалась парадоксальной для такой обстановки, потому что напряжение между двумя спутниками было явно ощутимо.

— Забавно, как мы оказались в этой конуре, — начал Аарон, покусывая край бокала и поднимая бровь. — С таким великолепным видом на улицу, прямо как у настоящих аристократов.

— Да, именно так. Не забудь упомянуть о подвале, полном смердящих крыс.

— Крысы, говоришь? — Аарон усмехнулся. — Или, может, это просто твое отражение, заблудившееся среди серых стен.

— Смешно, Аарон. Ты всегда такой остроумный, — я сделала глоток вина, не отрывая от него взгляда. — Надеюсь, ты сохранишь свои шутки для кого-то более заинтересованного, например, для Тейда.

Аарон поставил бокал на стол, слегка склонившись ко мне. — А ты, как всегда, забылась в своих мечтах.

— Как мило с твоей стороны! Но давай говорить о вещах более важных, чем твои потуги на остроумие. Как думаешь, мы снова выйдем на охоту за жертвами ради этой миссии? Или будем просто наслаждаться вином в этом потрясающем крысином логове?

— О, я знаю, что ты предпочла бы провести время за интересной книгой, нежели чем за охотой на новых «жертв», — прошептал Аарон, подмигивая.

— Если хочешь заикливаться на этом, можешь поехать на следующую охоту сам. Может, найдешь одну из своих невест, чтобы она тебя не убила.

— Звучит как план! — Аарон изогнул губы в саркастической улыбке. — Надеюсь, Борису не взбредет в голову снова переехать.

— Ты не понимаешь, что «они» нужны нам для бессмертия, — повысив голос на этого говнюка, мое желание было, чтобы он заткнул свой грязный рот. — У этих «жертв» такая участь, ничего с этим не сделаешь.

— Да, да, конечно. Видимо, в твоем воображении жертвы воспринимаются не как гниль, а как драгоценности, — усмехнулся Аарон. — Скажи мне, Блани, ты когда-нибудь училась

развлекаться? — спросил он, откидываясь на спинку кресла и потягивая вино. — Потому что, судя по всему, ты просто не знаешь, как это делать.

После этого последовала тишина, потому что развлечения, о которых мы вели речь, были для каждого свои. Этот английский джентльмен, обольститель дамских сердец, говорил об удовлетворении только одной потребности. Мы были просто разными, но при этом такого мерзкого отношения я не заслуживала.

Только я собралась сделать еще один глоток вина, как вдруг раздался звонок в дверь.

— Мы заперли нашего песика на улице? — пианист резко потянулся за кольцом, стараясь тихо подойти к входной двери.

— Вроде бы Тейд поднялся на второй этаж, как вернулся с охоты. — Остроумно, Аро, аплодирую стоя.

— Значит... — на лице блондина появилась хитрая улыбка, — время поразвлечься! — резким движением он открывает дверь, направляя оружие на незваных гостей.

Напротив нас стояла пара: молодая женщина лет тридцати пяти и юноша лет семнадцати. На лице у дамы застыли страх, боль и отчаяние, а вот юноша сохранял спокойствие. Пианист замешкался и поспешил убрать оружие за черный стюртук. Как только я хотела начать диалог, женщина обеспокоенно затараторила.

— Умоляю, только вы можете спасти нас с моим мальчиком! Это же дом мистера Реджельтона, я правильно пришла? — она говорила быстро и неразборчиво, а парень сохранял спокойствие и не промолвил ни слова.

— Да, мадам. Чем могу помочь? Я миссис Шарлотта, жена мистера Реджельтона, проходите скорее, не стойте на пороге.

С некой опаской дама вошла в дом, косо смотря на Аарона, который делал вид деревенского дурачка. Чучело.

— Мне сказали, что Борис может нам помочь. — Проведя их в гостиную, я усадила даму и парня в кресла, в которых мы ранее отдыхали, а затем сходила на кухню, принесла новый бокал вина для гостыи. — Благодарю, — она осушила бокал залпом и приготовилась рассказать свою историю, но нас перебил голос музыканта.

— Неплохо для аристократки, мисс, — Аарон взял стул, который стоял неподалеку, поставил спинкой к нашим лицам, и сел напротив дамы. — Похоже, я знаю, что вас привело к нам. Парнишка кого-то прикончил! — он удостоил юношу лукавым взглядом, а затем перевел внимание на даму. — Ваши отпрыск? Как зовут этого обаяшку?

— Я Анна-Лиза, а это — мой сын Феликс. Мы из дома...

— Плевать на подробности. Лучшие скажите, каково это — знать, что ваш сын убийца? Гордость распирает, не так ли?!

— О чем вы говорите? Как бестактно, молодой человек! Мой сын не убийца, он просто пытался защитить меня от мужа-тирана. Он невиновен, слышите, невиновен!

— Он убил, а значит — убийца! Или он просто так взял оружие в руки и решил лишить жизни своего отца? — хитрая улыбка расплылась на лице Аро, видно, он доволен, что может над кем-то иметь власть.

— Дорогой, — вмешалась я в этот красочный диалог, — присмотри за гостями, я разбужу мужа, думаю, это дело как раз по нашей части. — Оставив пианиста наедине с ночными гостями, я поднялась на второй этаж и направилась к комнате Бориса.

Идя по длинному коридору, стены которого украшены какими-то картинами, по всей видимости, первых жильцов, мне становилось еще хуже от взглядов с этих портретов: казалось, я нахожусь у всех как на ладони, в точности как у Бориса. Плесень покрывала стены, полуголые ставни окон уже начали гнить, а деревянный пол мерзко скрипел.

Каждый шаг приближал меня к логову чудовища, которое сегодня охотно лишит свободы еще одну невинную душу. Стуча в дверь и надеясь, что он все-таки будет спать, я молилась о здравии молодого человека.

— Ну кто там еще? — грубым басом отвечает Борис.

— Хозяин, к вам посетители, и это, кажется, по нашей части. Но если вы не в силах кого-то принимать, я могу их прогнать.

— Надеюсь, что игра все же стоит свеч, но если нет, то ты понесешь ответственность за это.

Мы спустились вниз, но когда в поле моего зрения попала вся компания, я увела Аарона, попросив якобы мне помочь, чтобы не мешать диалогу, но сами остались за стенами кухни, где было все прекрасно слышно.

Выгнав Анну-Лизу на улицу, Борис начал разговор с юношей. Я прислушивалась, стараясь не пропустить ни единого слова.

— Ты же знаешь, что мне нужно, Феликс, — произнес Борис, его голос звучал уверенно и властно.

— Знаю, Борис, — ответил Феликс, его интонация была напряженной, будто он пытался скрыть страх. — Но я не понимаю, как можно просто так взять и отдать свою душу.

— Но ты уже заплатил не меньшую цену, — с усмешкой заметил Борис. — Ты убил своего отца. Ты уже на краю, и ты знаешь, что вернуться назад невозможно.

Я чувствовала, как напряжение нарастает. Тысячи вопросов возникали у меня в голове, а сердце колотилось в ожидании.

— В этом мире очень легко потерять все, что у тебя есть, — продолжал Борис. — Если ты не готов служить, тогда какова же твоя альтернатива? Ты останешься с огромными последствиями, с которыми не сможешь справиться сам.

— Ты обещал мне защиту, — слабо произнес Феликс, его голос чуть дрожал. — Но какой ценой? Я не хочу быть твоей марионеткой.

— Марионеткой? Нет, ты будешь моим помощником, и это даст тебе возможность получить то, что ты желаешь, — произнес Борис, пренебрежительно взглянув. — А мы знаем, что тебе это нужно.

— Хорошо, — наконец произнес он, выпрямляясь. — Я отдаю свою душу, но взамен я хочу, чтобы ты гарантировал мою безопасность.

Борис тихо усмехнулся.

— Защита — это лишь иллюзия, Феликс. Но я сдержу слово. Ты станешь частью нашего мира. Ты больше не одинок.

— Мадам Шарлотта, — раздался крик босса по всему дому. — Приведите мистера Шепарда, чтобы он проводил Анну-Лизу, ведь молодой человек останется с нами.

В ту ночь Феликс навсегда остался заложником «Театра доктора Смерть».

Феликс медленно выходит из-за двери, подходя к нам с гробовщиком. По его виду можно было определить: он волнуется.

— У тебя все платье в крови, матушка. Пойдем, мы найдем что-то подходящее в моей комнате, — тонкие пальцы парня коснулись моей ладони и, схватив меня уже крепкой хваткой, потянули в свою мастерскую по пошиву сценических костюмов.

Комната Феликса была маленькой, но полной жизни и творческой энергии. Узкие стены, окрашенные в глубокий бордовый цвет, создавали атмосферу уюта и таинственности. В углу стоял старый деревянный стол, покрытый тканями разных оттенков и текстур, на котором лежали иглы, нитки и куски материи; но среди этого хаоса можно было увидеть несколько начатых костюмов — элегантные жилеты с изысканными пуговицами, длинные плащи, кото-

рые, казалось, могли бы укрыть от взгляда даже самых любопытных, а также роскошные вечерние платья. Каждый шов был идеален, а детали, такие как вышивка и аппликации, придавали костюмам уникальность. Феликс всегда стремился к совершенству, и его комната отражала это стремление. На стенах висели эскизы и наброски, которые он еще не успел воплотить в жизнь. В центре комнаты стоял манекен, на котором было надето одно из его последних творений — черный плащ с капюшоном, который, казалось, мог бы стать идеальным одеянием для ночного приключения. Вокруг манекена валялись куски ткани, как будто сам процесс создания костюма был бурным и полным вдохновения.

На полках, заставленных книгами, можно было найти тома о моде, истории костюмов и даже старые детективные романы. Феликс любил читать, и каждая книга была для него источником вдохновения. В углу стоял старый граммофон, который иногда наполнял пространство мелодиями, создавая атмосферу, способствующую творчеству. Несмотря на небольшой размер, комната Феликса была его убежищем — местом, где он мог быть самим собой, создавать и мечтать. Здесь, среди тканей и эскизов, он чувствовал себя свободным, как будто каждая строчка, каждый шов приближали его к мечте — стать великим модельером.

Захлопнув дверь кабинета, парень подошел ко мне вплотную, убирая прядь волос с моего лица.

— Он опять тебя бил, да?

— С чего ты это взял? — страх охватил меня с ног до головы. Очаровательное создание в лице Феликса не должно было слышать об этих сценах насилия. — Милый, возможно, тебе показалось: иногда случается, что взрослые не понимают друг друга, и поэтому возникают некоторые разногласия. Но Борис любит нас, это такой период. Нужно переждать.

— Хм, допустим, я поверил, ну а кровь? Это ты шла и случайно наткнулась на кулак, или еще что хуже, на что-то острое? Не забывай, я знаю, как можно и куда нужно ударить. — Он проводит длинным бледным пальцем по белому воротнику, останавливаясь у ключиц.

— Это не моя, — я, поднимая взгляд на мальчишку, сталкиваюсь с беспокойным взглядом светлых глаз. — Это Бориса, у него было давление, кровь из носа пошла. Пришлось помочь.

— Ты не врешь? — пальцы переместились на мой подбородок, несильно надавив, приподнимая его, и заставили пристально посмотреть на него. — Если вдруг хоть волос упадет с твоей головы, то знай: меня уже никто не остановит. Я сам лично его убью. Запомни это.

Под влиянием теплой атмосферы я приложила ладонь к его щеке и прошептала:

— Тебе не о чем беспокоиться, mon cher enfant 5, я в полном порядке.

Феликс осторожно раскрыл одну из коробок, и я ощутила запах новой ткани. Он был погружен в свою работу, его пальцы ловко перебирали материалы, как будто он искал идеальный кусочек для настоящего шедевра. Я с нетерпением ждала момента, когда смогу примерить тот самый наряд, который он с таким упоением создавал.

— Вот, посмотри на это, — произнес он, подавая мне невероятно легкий жакет, украшенный сложной вышивкой. — Я подумал, тебе стоит попробовать что-то более современное.

Я взяла его, и меня охватили легкое волнение и трепет, когда я приготовилась примерить одно из творений Феликса. Однако внезапно дверь распахнулась, и в комнату вошел Тейд. Его темные волосы были взъерошены, а в глазах читалось недоумение.

— Феликс, Борис послал меня, — сказал он, всматриваясь в комнату. — Нам нужно посмотреть помещение для бара.

Я почувствовала, как мое настроение несколько изменилось. «Борис наконец начал действовать!» — проскользнуло у меня в голове.

— Подожди, Тейд, я не закончила примерку! — прошептала я, стараясь сохранить улыбку. Но Феликс, незамедлительно отвлекшись от своего занятия, наклонился и усмехнулся.

— Даю вам двадцать минут, и мы выдвигаемся. Я передам боссу, что мы берем машину. Сегодня будет о-о-очень жарко. Мы возвращаемся в старый бизнес, Бэгс. Готовься не спать всю ночь!

Глава 7

Мы стояли на тротуаре, уставившись на здание, которое когда-то было солидным особняком, а теперь оно выглядело словно призрак. Обветшалые стены, обшарпанные окна и облупившаяся краска создавали атмосферу, которая могла бы вдохновить на написание мистического романа. Я вздохнула, пытаясь подавить в себе смешанные чувства восторга и легкой паники.

— Ну что, Шарлотта, готова к новым приключениям? — произнес Тейд, его голос звучал так, будто он только что вышел из комедийного шоу. Он стоял рядом с ухмылкой, как будто этот дом был не более чем забавной шуткой.

— Приключения? Ты называешь это приключением? — ответила я, скрестив руки на груди. — Это больше похоже на самоубийство.

— О, не будь такой пессимистичной! — Тейд обошел здание, как будто это была его собственная крепость. — Представь, как мы будем здесь веселиться! Бары, вечеринки, коктейли! Это будет лучшее место в Лондоне!

— Если мы не сдохнем от плесени до того, как откроем его, — пробормотала я, следя за тем, как Тейд с любопытством разглядывает разбитое окно.

— Плесень — это лишь часть шарма! — воскликнул он, обернувшись ко мне с блеском в глазах. — Ты знаешь, что говорят: «Чем хуже помещение, тем лучше бар».

— Кто это говорит? — спросила я, поднимая бровь.

— Никто, но звучит неплохо, или нет? — Тейд пожал плечами, и его улыбка стала еще шире.

Я покачала головой, но не могла сдержать улыбку. Тейд всегда умел находить светлую сторону даже в самых мрачных ситуациях. Мы подошли ближе к зданию, и наши взгляды встретились. В его глазах была искра энтузиазма, которая заставила задуматься, не слишком ли мы серьезно относимся к этому делу.

— Ладно, давай посмотрим, что у нас здесь, — решив, что лучше всего будет исследовать, чем стоять на месте и обсуждать недостатки, мы вошли внутрь и сразу же почувствовали, как холодный воздух пронизывает с ног до головы. Внутри было темно и сыро, а полы скрипели под ногами, как будто дом протестовал.

— Прекрасно, — произнес Тейд, обводя взглядом помещение. — Я чувствую, как в воздухе витает дух веселья!

— Или дух плесени, — поправила его я, стараясь не думать о том, что могла бы сделать с этим местом, если бы были деньги и время.

— Давай представим, что это не плесень, а просто антикварный декор, — предложил Тейд, подмигнув мне. — Мы можем сделать из этого стильный бар в стиле ретро.

— Да, если «ретро» — это синоним «развалюхи». — Осматривая стены, покрытые трещинами, мне стало тошно.

— Ты просто не видишь потенциала! — Тейд обошел комнату, как будто искал сокровище. — Представь: здесь будет барная стойка, а там - сцена! Мы сделаем это место центром ночной жизни Лондона!

— Если не упадем в подвал, — недолго думая, добавила я, указывая на темную щель в углу.

— Подвал? Это же идеальное место для хранения трупов! — воскликнул Тейд, его глаза загорелись. — Мы можем сделать там место для хранения оружия!

— Или могилу для наших несбыточных мечт, — сарказм так и лился из моих уст, но в глубине души я знала, что Тейд прав. Это место действительно имело потенциал, и можно сделать из него что-то стоящее.

— Давай, Шарлотта, — сказал он, обняв меня за плечи. — Мы не можем упустить этот шанс.

Мы продолжали исследовать дом, и с каждым шагом все больше ощущали, что это место действительно может стать чем-то особенным. Я вспомнила, как мы открывали прошлый бар, где люди могли бы собираться, смеяться и наслаждаться жизнью. Возможно, это именно то, что им нужно.

— Ладно, — наконец произнесла я, останавливаясь у окна и глядя на улицу. — Мы сделаем это, потому что нет выхода. Но этому старикашке придется разориться, потому что тут явно нужен капитальный ремонт.

— Согласен! — Тейд поднял кулак, как будто они заключили сделку. — Мы команда, и вместе мы справимся с любыми трудностями!

— Я очень сильно надеюсь, что это место удовлетворит все требования, тем более мы и так откладывали целый год. Боже! Это опять братья за всю грязную работу. Ну ничего, хоть как-то отвлекусь от этих проблем в нашем коллективе.

Окончательно все взвесив и решившись на покупку, мы пошли искать собственника особняка, чтобы заключить сделку.

— И за это вы хотите триста сорок пять тысяч фунтов?!? А нам не полагается скидка хотя бы за то, что мы готовы сразу купить и отдать всю сумму? Сумасшествие! Да по одному виду понятно — это притон! — Тейда явно возмущал тот факт, что надменный старикан слишком многое о себе возомнил, считая, что его рухлядь — дворец, каких не видело все человечество. Также не забываем, что здание находится в далеко не самом благополучном районе.

— Слышь, амбал, — прикрикнул хрипловатым голосом на гробовщика хозяин этой невероятной «красоты» древности. — Это самая прилежная улица нашего города, как смеешь ты это называть притоном? А! Ишь, фараоны, собрались они тут бар открывать и развращать молодежь! — кажется, старый собрал весь яд, соплю и слюни у себя во рту и выплюнул эту жижу в сторону Тейда на асфальт.

— Мистер Брик, — аккуратно начала я, — вы согласились встретиться с нами незамедлительно после звонка вам. Можно сделать вывод, что вы хотите быстрее продать особняк, не так ли? — Если бы не нужно было держать лицо, то этот хряк давно бы получил у меня по своей свиной морде.

— А что, денег жалко? Вообще-то это особняк с историей.

— Брик, засуньте себе в жопу эту историю, никому она не интересна, — гробовщик начал терять самообладание. — Ты же понимаешь, с кем ты общаешься? Это жена самого известного адвоката, мистера Реджельтона.

— Могу представить. По ней видно, что фараонова жена: раз так хорошо выглядит, только бледная, как смерть. Твоему мужу что, трупы нравятся?

— Прошу вас не переходить на личности. Мы покупаем это место не для личного пользования, а чтобы дать людям новое понятие о хорошем времяпрепровождении, и все.

— И повод будет для очередного алкаша надраться в зюзю. — Сволочь! Никакие уговоры не помогли нам с Тейдом сбить цену на это убожество, названное поместьем. Но мистер Брик не знал о специфике нашей профессии и то, что он не выживет в эту ночь. Борис дал особое указание на случай, если хозяин встанет в позу.

— Мистер Брик, а у вас есть семья? — как бы невзначай задаю вопрос, потому что мужчины всегда засматриваются на красивых женщин, сколько бы лет им ни было.

— А что? Понравился? Моя бывшая жена еле устояла перед таким мужчиной, — в подтверждение своих слов он провел по своим остаткам волос.

Именно это мы и хотели услышать. Взглядом показываю Тейду, чтобы тот был начеку и достал нож, готовясь к исполнению плана «Б».

— Знаете, — произнесла я, — я всегда считала, что такие мужчины, как вы, обладают особым шармом. Вы видели мир и много чего знаете.

Он воспрял духом, и можно было почувствовать, как его защита ослабла. Я знала, что Тейд ждет своего момента, и мне нужно было лишь немного подождать. — Может, вы могли бы провести экскурсию? — предложила я, стараясь звучать правдоподобно. — Я уверена, что с вашим опытом и моими идеями вы сможете подсказать нам, как правильно обустроить это место.

Старик, казалось, был заинтригован. Я знала, что время поджимает, и мне нужно было действовать быстро. Сделав шаг ближе, наклонилась к нему и игриво произнесла:

— А если я скажу, что у меня есть несколько идей, которые могут вас заинтересовать? — в этот момент я почувствовала, как Тейд приближается, и понимала, что все должно произойти быстро и незаметно. Я улыбнулась, готовая к следующему шагу, и ждала, когда старик окончательно потеряет бдительность.

— Я же вижу, что вас некому приласкать, утешить в трудные моменты, — его глаза забежали быстрее, и учащенное дыхание раздавалось эхом. Бедный мужчина, он до сих пор не понимает, что мы те еще ублюдки, которые готовы убить, лишь бы добиться своего.

Подходя все ближе к жертве, я видела, как интерес мужчины рос все больше и больше, а как только моя рука оказывается у него на плече, старикашка хватается меня за талию своими пухленькими ручонками. Тейд наносит удар ножом, проламывая череп и обнажая все его внутренности, что привело к мгновенной смерти. Кровь этого наглого человечешки попала мне на лицо и новое бежевое пальто.

— Черт, Феликс меня убьет! Он только вчера мне его отдал, месяц над ним корпел, вот что теперь делать!

— Я сам застираю, *mon cher* 1. Не будем расстраивать твоего любимого сынишку из-за нескольких пятнышек крови, правильно? — мужчина щелкает меня по носу, пытаясь приободрить, одаривая теплым взглядом.

— Спасибо, что ты всегда заботишься обо мне, Шепард. Мне этого порой не хватает.

— Чего не хватает?

— Человеческого отношения.

— Брось, мы с тобой прошли такое, что другие и представить не могут даже в своих кошмарах. Два века, которые я прожил с тобой — самый счастливый период в моей жизни. Я слишком сильно люблю тебя и ценю как друга, ты самый близкий для меня человек, — мужчина притянул меня к себе и обнял. — А теперь оставим нежности и вернемся к Борису с новой дозой. Думаю, он будет рад, что мы прекрасно завершили это дело и теперь мы можем спокойно открывать свой бар. Тем более, бесплатно полученное помещение — это ж прям трофей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.